

МОЛОДОСТЬ СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 13 (915) ИЮЛЬ 1965

СМЕНА

МОЛОДАЯ ЗЕМЛЯ ПРИ

25 ЛЕТ
ВОССТАНО-
ВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ
В ЛИТВЕ,
ЛАТВИИ
И ЭСТОНИИ

Фоторепортаж
Мирослава
МУРАЗОВА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

МАЙ
1965

(15)

Год издания
сорок второй
Выходит два
раза в месяц

Юстиас
МАРЦИНКЯВИЧЮС

ДЕКЛАРАЦИЯ

Воспаяно высокое напряжение,
и далекие трессы,
и тревожное ощущение
Энергии, а не Массы.

Состояние покоя не принимаю
на словах и на деле,
словно выстрел,
человечью судьбу понимаю,
словно выстрел до цели.

Альбинас БЕРНОТАС

ИЛЬМОВЫЕ КУСТАРНИКИ

Ни могильного камня, ни памятника
на земле, где сойдет погребен,
только черные ветки кустарника,
словно свастика прошлых времен.

Здесь в июне мы бродим полянами,
губы от земляники прасяны.
Но на этих кустарнике ягоды
несъедобны и желчью полны.

Мы рубили их корни корявые,
но, как черный реванш на кости,
их отростки ползут между травами,
вновь незаметным лезут гостями.

Из-за моря доносятся заново
чь-то речи... Летят семена.
А над протом — ни камня,
ни мрамора,
и давно уж не те времена.

Перевел с литовского
Станислав КУНЯЕВ

Станислав КУНЯЕВ

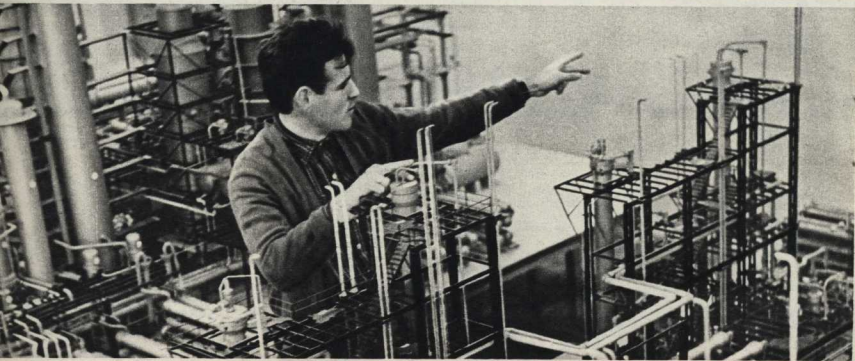
СТИХИ О ЛИТВЕ

Я поднимался по утрам,
всходя на башню Гедимина,
высокую, как годовщина,
глядел задумчиво в туман.
Вдали передо мной легла,
как на ладони, с этой башин,
раскинув города и пашин,
земля по имени Литва.
Смотрю на синий горизонт...
Судьба земли была жестока —
почти проезжая дорога,
одна из пограничных зон
в Боренье запада — востока.
Но словно майская река,
бурля во время ледохода,
в свои крутые берега
вошла история народа.
Она не только список дат,
не только фабрики и заводы —
она Девятый форт¹ и знаки
могли, где войны лежат.
Шумела летняя листва,
я шел по улицам цветущим
и слышал гордые слова
уверенности в дне грядущем.

¹ Девятый форт — бывший
фашистский концлагерь, непо-
далеку от Вильнюса.

балтики

- НА СНИМКАХ: ● Вильнюс, площадь имени В. И. Ленина.
● Инженер Брониславо Лубис у макета строящегося Ионавского химического завода. (Фото А. УЗЛЯНА)
● Молодой астроном Витаутас Страйжис.

Марка рижского завода «ВЭФ» известна всей стране. Молодые взвонцы — ровесники социалистической Латвии.

Михаил ШЛАЙН

ЛАЙМА

Лайма — женское имя в Латвии. В латышской мифологии — олицетворение судьбы и счастья.

Здравствуй, Лайма, ты судьба и счастье!

Девушка у северных морей,
Домик твой средь основной щанды,
Дом на курьих ножках, без дверей.

Это правда —
То, что в целом мире
Нет такой бесхитрой другой,
Ужilas бы ты в одной квартире
Даже вместе с бабушкой-ягой.

Ой да Лайма, ты судьба да счастье!
Руки Лаймы — белые мосты.
Я тебя обманывал так часто
Строгими историями Москвы.
На широком матовом рассвете
Ты теперь, продолжной и босой,
Собираешь высохшие сети,
Каешься растрепанной косой.

На широком матовом рассвете
Голоса команды протрубят.
...Где-то наверху расставляет сети
Не для рыбы, Лайма, — для тебя.
А тебе бежать за керосином,
Закачаться в марше степной!
Говорят, что трудно быть красивой,
Быть красивой
Весело тебе.
Каждый вечер,
Сладко зыбная,
Потому в голубоватый дым,
Будто одеялом, накрываюсь
Длинноногим именем твоим.
А наутро —

Берег!
Весла дай мне.
К старому обрыву подплыву.
Солнце опрокядывает Лайму
Прямо на левую траву!
Я ужаску это.
«Здравствуй, Лайма!»
С длинною травницей на губе
Захохочут зубы бубещами
Так, что станет холодно тебе!
Упадут ладони снегом белым,
Упадут!
А где мне их достать!
...До чего же правильное дело —
Просто счастьем девушку назвать.

ДЕВУШКАМ- СТРОИТЕЛЯМ

Девушки в брюках,
В брезентовых робах,
В сапогах с налипшими комьями!
Если б я пожелал вам ребят
Самых добрых,
Мы бы не раззнакомнились!

Если б стих прозвучал
не совсем обыденно,
Это бы вас не обидело!

Здесь, где еще далеко до цветения,
Где небо от сварки ало,
Ваша нежность и чуткость
нужны не менее
Стройматериала.

Здесь, где от грохота гложет любовь,
Где режут моторы сопатые,
Как святая для сердца
Ваша любовь,
И даже просто симпатия.

Но если от выпивки и от курева
Ломается девичий голос,
Ломается стыд, как в засуху колос,
Не сваливайте на парней
бескультурье.

Почти не беспокоясь.

В ваших руках чудесная власть!
Электромоторы работают всласть,
Но сила тока в обмотках,
Как регуляторы ни кружи,
Меньше, чем в золотой сети
Ваших волос коротких.

Когда над ветреной Даугавой
Заполыхает ваш взгляд лукавый,
Бранное слово замрет потерянно,
Пусть доброта на ветру посеяна,
Но человек небольшого роста
Становится выше от благородства.

Девушки в валенках,
В стеганых ватниках,
Будьте же цельными,
А не стреляными!

Пусть вам краны укажут
своими стрелами,
Где те, не боящиеся высоты,
На которую вам же вознесены.
Истинные,
Единственные.

Перевела с латышского
Тамара ЖИРМУНСКАЯ.

Колхозник Янсон Аустрис — старом
рыболовецкого сейнера

Рига. Дамский собор.

Таллин — сердце Эстонии.

Комсомольская свадьба в эстонском селе.

Крести МЕРИЛААС

ВЕЧЕР

Все небо туча заняла,
С нее роса в траву сползает,
И шелест птичьего крыла
В лесу дальнем исчезает.

Дорога в сумраке бела,
И смех на озере кружится,
И два весла — как два крыла,
И лодка счастлива, как птица.

Твоя душа — и свет и мгла,
В ней все едино и контрастно.
На гребень леса ночь легла.
И все так просто и прекрасно.

Вечко шумный таллинский порт.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

И бьется о камень морская волна,
И пена качается в реках,
И песен и птичьих домишек полна
Трава у озераго берега.

Готова земля к воскрешенью семян,
И светель в потной сорочке
Мелькает в зеленом пожаре полян,
Где чирикают весиные почки.

Высокое небо, сверкающий мир,
Холмы благородных расцветок.
Итак, начинается северный пир —
Начало эстонского лета.

Смотри, загорается факел весны
От близости солнца мгновенно.
И окна и двери для ветра тесны,
И радость моя адоновена.

С эстонского перевела
Юнна МОРИЦ.

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

ТАЛЛИН

Что знаем мы о крепостной стене!
Она молчит окаменевшей книгой.
Ты руки вверх протягиваешь мне
И говоришь: «Люблю, смелее
прмгай!»

И что за дело нам до праздных дыб!
Когда-то души правили на дыбе,
Но если тут и светлый ум погиб,
Так это же не мы с тобой погибли.

Монахины, что честь свою бляли,
Совместно с еретичками зарыты.

Как тихий парус плаваает адали
Разжалованный монастырь Бригитты.

Оседает пыль веков на рукаве,
Смазку ево, и свиданно готовясь.
Сам Старый Томас прачется в кафе,
Да, Робин Гуд эстонский, Старый
Томас.

Эскурсоводу платим по рублю,
Чтоб потоптать могилу Дон Жуана...
Все хорошо, раз я тебя люблю
Нестрого, необдуманно, неожиданно.

Коцнустуем над прошлым мы
с тобой,
Но отпрыск наш нам отомстит,
ей-богу.

И томе приспособит под любовь
Далекую от нежности эпозу.

ДОЖДЕШЬ ИЛИ ПОРЫВ?

даже все дееспособные обороты правильно употребят. И будет сколько положено воспитательных знаков, тем более, что гарантирована свободная тема, а на ней-то уж всегда можно выехать...

Нет, сегодня волнует другое...

В школе проходил вечер поэзии. Читали стихи Есенина, рассказывали о нем. И были вроде как-то по-хорошему вызволены. В середине вечера выяснилось, что в школу пробрались подвыпившие парни. Мим с ребятами-старшеклассниками наклеивали их выговоривали. Но тогда вышел на улицу, оказалось, что обиняемые молодые люди уже поджидают нас и жаждут расправы. Гнев их обрушился на много из одиннадцатиклассников за то, что, во-первых, он больно унылый — много знает наизусть, — а во-вторых, за то, что именно он предлагал им убраться и не мешать слушать стихи. И тут произошло невероятное: двадцать здоровых, сильных людей стояли и в растерянности смотрели, как бьют их товарища. Четверо — одного! Нормальный человеческий инстинкт солидарности [да что там солидарности — просто четверо против одного] не сработал.

Потом говорилось разные жалкие слова: мол, это произошло от неосведомленности, ситуация оказалась уж очень неприглядной. Я слушала эти слова, а в ушах стоял голос майора милиции, который приехал к месту происшествия по моему вызову: «И вам, двадцать здоровых, не стыдно звать милицию для того, чтобы защититься от четверых? Эх вы, мужичины!»

Конечно, им не очень-то приятно было тогда выслушивать это. Но на помощь пришла судьба, на все случаи жизни годится формула: «Ну и что! Да, испугались, да, не хотели ввязываться в драку... А кому хочется! Никому...»

То есть как это «никому»? Разве вы сами буквально два дня назад не проводили в своих сочинениях классические приемы дружества и отчаяния, пропаленный и куда более сложными условиями? Разве не находили нужные и красивые слова о назначении человека, о жажде справедливости, не цитировали Горького, не доказывали, что в жизни всегда есть место подвигу, не предавали анафеме «ничегоневидящих»? Значит, все это только для сочинения, для «абале», как вы теперь любите выразиться!

А для жизни? Для жизни — позиция откровенной двинухи: «Плохой, говорите! Да, плохой и буду плохим. И все плохо. Вы мне покажите, кто лучше». Это тоже credo. Недавно оно было довольно отчетливо сформулировано в сочинении одного десятиклассника.

«Все эти высокие слова, которые так много значили для отцов, для нас обветшали», — писал он. — Я уверен в том, что ни один человек из моего класса, да что там из класса — из всех моих сверстников — не променяет московскую прописку на то, чтобы добывать золото для страны в турханской тайге. Я знаю, что идеал большинства — удобная квартира, обставленная современной мебелью, оснащенная всеми современными удобствами, магнитофоном, телевизором, последней модой, да еще хорошая машина. [Жена оказалась в одном ряду с прочими атрибутами идеального быта!]

Я прочтала это сочинение в классе, не называя автора и стараясь по возможности сохранить ровные интонации. Хотелось вызвать бурю, хотелось, чтобы этот посыл был воспринят как поощрение, как племянное слово в лицо всем. Но этого не произошло. Случившиеся усмешки, какие-то обрывки фраз, вроде того, что «не придавайте значения», «пооригинальничать парню захотелось, показать, какой он смелый!».

— Простите, — вскрипела я, — но если хотелось пооригинальничать и разоблачиться асадорно, то ведь следовало употребить совсем другие метонимии — «я», «для меня»... а ведь оно и пишет «мне», «для нас», «все». Значит, получится, говорит от нашего имени, и вы под эти подписываетесь!

Тогда вскричал один:

— Я не подписываюсь, нет!

И другой:

— Мне важно не где жить, а для чего, как...

И третий:

— Я вот сейчас при всех говорю: поеду туда, куда нужно будет. Без восторга, может быть, но поеду...

Казалось бы, можно успокоиться: должная реакция вызвана. Но разве это была мгновенная, инстинктивная реакция на пощечину, нанесенную гражданским чувствам! Нет, и поэтому оснований для успокоения не было.

Но, может быть, сделать сцену на возрост, согласиться с тем, кто говорит: «Бросьте, не преувеличивайте. Ну чего вы от них хотите — ведь дети еще...»

Но какие же это дети! Прав был майор милиции: если не станут мужичинам сейчас, то, возможно, не будут ими никогда. Если не решат для себя, как жить, какими быть теперь, то в будущем особая беда будет без таких решений. А без решений человеку нельзя, как нельзя и без очень четких критериев насчет того, что такое хорошо и что такое плохо. Но они-то, критерии эти, сместились. Солгал, нарушил слово, нагрубил, струсил — по любому поводу появляется спасительное «подумайтесь!» и какая-то удивительная готовность к компромиссу.

Я вот не могу забыть, как тогда, после той истории с избиванием, мы шли по уже безопасной улице, шли, оглушенные всем происходящим и неприятные друг другу.

— Ну как вы после всего этого можете их уязвить! — Я показала на мальчишек (вопрос был обращен к девочкам). И одна из них, самая моя любимая, ответила:

— Но ведь если никого не уязвить, то лучше и не жить совсем!

— А если уязвить того, кто заведомо не заслуживает уважения, тогда жить можно!

По своим наблюдениям, современные юноши и девушки мало в чем нуждаются так, как в отношении того, без чего нельзя жить, что составляет «люб насущный».

Вот, например, романтика. Слово стало привычным, расхожим. И уже, как подлетит один мой ученик, старшеклассник Володя И., начнет напевать: «Завтра будет ясно, уныло, горько» — и ты тоже романтик. Вышли ребята в воскресный поезд, прогулялись от одной железнодорожной станции до другой — и тоже величают себя романтиками. А ведь романтика — это совсем не то. Сам термин предполагает исключительность поведения, своего облика, тех мгновенных ситуаций, которых человек для себя ищет. И поэтому назвать себя романтиком далеко не каждому имеет право.

Ирина ОВЧИННИКОВА

Ирина Овчинникова
двадцать лет назад в впервые выпускала класс. Это было в Кауле, в мужской школе. «Провалился, провалится все, как один», — думала я, оглядывая ровные ряды стриженных мальчишеских голов... ничегошеньки не напишут...»

Ирина Овчинникова
обсуждать целая комиссия, и в заранее представляла себе, как скажут: «Ну, конечно, не надо было доверять выпускные классы девочкам... Чему она их могла научить!»

Я даже до сих пор помню тогдашние темы. «Павел Корчагин и Олег Кошевой». Эту писла большинство. И не было в тех работах никаких стилистических красок, а напротив, попадались всякие «подходя к дому, запалил собаку...».

А сегодня! Конечно, я и сейчас волнуется: что-то там, в этом конверте за «семью печатаным», который вскрыется в торжественно пришедшем автором зале! Но как-то совсем по-другому. Потому что знаю: напишут и

ДРУГ ПОЗНАЕТ

Дожурному у телефона скучать не приходится. Звонит из Праги, Вены, Делл, Парижа... Комитет знает в самых дальних уголках земного шара. Последней ритм работы в комитете четкий и напряженный. Только так можно учесть тысячи мелочей. Только так можно справиться с тем огромным делом, ради которого был создан КМО СССР,— делом укрепления и расширения международных связей советской молодежи.

Успехи и охваты приливают сразу. Они накаляются годами. В комитете есть свои давно сложившиеся традиции и свои ветераны.

Это началось двадцать лет назад. Двадцать лет назад через рубли и пепельницы оставленные войной, съезжался в Лондон посланцы всех континентов на Всемирную конференцию молодежи. Они поклялись тогда не допустить новой катастрофы. Они пригласили в верности волевою делу борьбы за мир от имени миллионов живых и милавонов погибших. Логуэ «Мир и дружба», родившийся в Лондоне, прошел через восемь всемирных фестивалей и через миллионы сердец.

В отделе печати комитета хранятся снимки тех лет.

Вот один из них. Молодые парни и девушки.

«Кто это?» — спрашивают а заведующий отделом Юрий Канделов.

— Это делегация Антифашистского комитета советской молодежи,— рассказывает Юрий.— Он был создан в первый год войны, в 1941-м. Теперь это славное дело продолжает наш комитет. Он родился в 1956 году. Товарищи из официальных учреждений КМО СССР были комсомо, пионерия, студенческие и молодежные организации всех союзных республик, молодые художники, писатели, композиторы, журналисты, спортсмены. КМО скоро хорошо узнали за рубежом. Наш комитет представляет советскую молодежь во Всемирной федерации демократической молодежи. Наши парни и девушки участвуют во всех формах демократической молодежи мира, на ее конференциях и конгрессах, во всех кампаниях в поддержку национально-освободительного движения, на всемирных фестивалях.

Конечно, со времени встреч в Лондоне очень многое изменилось. Выросли связи с молодежью Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, с людьми самых разных взглядов и убеждений. Теперь наша молодежь поддерживает связь с 1 500 молодежными организациями во всех странах мира. И это не просто знакомство. Это крепкая дружба и совместная борьба. Каждый год по приглашению комитета и нашу страну приезжают сотни делегаций и тысячи туристов. Они, в свою очередь, пригладают к себе наших парней и девушек.

В одной из комнат на стене висит треугольный вымпел. «Мы сделаем нашу родину свободной или умрем за Венесуэлу» — написана на нем бойца ФААН — Национального фронта освобождения Венесуэлы.

— Они были гостями КМО? — Да, и не раз. У нас давняя

дружба. Кстати, один из них гостит сейчас у нас.

На следующий день мы встретились на Ленинских горах. Визу в голубоватой дымке лежала Москва, по-всемуему светлая и яркая.

— Вот такой хочу видеть и Венесуэлу,— сказал мне Ривардо.— Свободной, счастливой. Для нас пока безудлиный день. Для нас пока безудлиный день. Но за него нам надо драться с оружием в руках. И мы победим.

— О морях приплыл Венесуэла! (Нам умрем за Венесуэлу!) — добавила по-испански.

— Ты знаешь наш лозунг? Это здорово, что вы здесь помните о нас и поддерживаете нашу борьбу. Это дает нам силы.

Молодые революционеры, борцы за мир и демократию — частые гости в нашей стране. В этом году по приглашению КМО в СССР побывали комсомольцы Чили и молодежь социалисты Японии, партизаны Анголы и «португальской» Гвинеи, делегация комсомола Англии и Италии, пионеры Голландии и делегация Союза суданской молодежи. Каждый раз приветствует в нашей стране, ибо видят в ней свое будущее.

Иногда все начинается с простого письма.

«Я хочу переписываться со своим сверстником в Советском Союзе» — вот такой писем приходит в КМО СССР. Идут друзья Брюна Риндиз из Аляски, Зифрида Рунгама из Бурунди, Т. Паунавама с Цейлона. Иногда с такой же просьбой обращаются в комитет немые клубы вроде Циндуйского пен-клуба или английского «Тейнмент интерньюна». Из комитета эти письма расходятся по всей стране: ведь теперь практически в каждом большом городе и в сельских клубах интернациональных друзей.

Бывают и другие письма. После того как в американских школах и колледжах введен специальный курс «Коммунизм и его влияние», в КМО СССР пришло много писем с просьбой рассказать о коммунистическую правду. Видно, не слишком убедительно звучат проповеди штатных антикоммунистов, подвизывающихся в роли оставшей американской молодежи. Остаются немые клубы вроде Циндуйского пен-клуба или английского «Тейнмент интерньюна». Из комитета эти письма расходятся по всей стране: ведь теперь практически в каждом большом городе и в сельских клубах интернациональных друзей.

«С тех пор как я прочитала книгу «Молодая гвардия», — пишет в комитет студентка токийского университета Норико Аота, — я хочу жить в кругу с советских детей самая хорошая жизнь в мире. У нашей молодежи цель жизни не противоречит развитию общества. У нас это, к сожалению, не так.

В отделе стран Африки Ким Ким-Иньинг показала мне стихи суданского поэта Османа Абдаллы о нашей стране:

Пусть все те, кто в цепи занаван, Обрывает свои взоры сода. Здесь отмена вины и счастья. Здесь друзей ты найдешь всегда.

— Эти стихи написаны недавно? — Давно,— отвечает Ким.— Осман был одним из немногих африканцев, которым удалось посетить нашу страну в те годы. Ведь еще в 1959 году Африка была для нас почти сплошь белым пятном. А теперь там нет ни одной валецкой молодежной организации, с которой бы наша молодежь не поддерживала связи.

— Ангола. В одном из селений освобожденной Кабинды явуч занятит. «Гетра» — написана по-русски на школьных тетрадах. Это подарок советских друзей. Школьные принадлежности, медикаменты, продовольствие, белье, папкишки приймак в партизанские бригады. А теперь там нет ни одной валецкой молодежной организации, с которой бы наша молодежь не поддерживала связи.

— Ангола. В одном из селений освобожденной Кабинды явуч занятит. «Гетра» — написана по-русски на школьных тетрадах. Это подарок советских друзей. Школьные принадлежности, медикаменты, продовольствие, белье, папкишки приймак в партизанские бригады. А теперь там нет ни одной валецкой молодежной организации, с которой бы наша молодежь не поддерживала связи.

— Ангола. В одном из селений освобожденной Кабинды явуч занятит. «Гетра» — написана по-русски на школьных тетрадах. Это подарок советских друзей. Школьные принадлежности, медикаменты, продовольствие, белье, папкишки приймак в партизанские бригады. А теперь там нет ни одной валецкой молодежной организации, с которой бы наша молодежь не поддерживала связи.

— Ангола. В одном из селений освобожденной Кабинды явуч занятит. «Гетра» — написана по-русски на школьных тетрадах. Это подарок советских друзей. Школьные принадлежности, медикаменты, продовольствие, белье, папкишки приймак в партизанские бригады. А теперь там нет ни одной валецкой молодежной организации, с которой бы наша молодежь не поддерживала связи.

— Ангола. В одном из селений освобожденной Кабинды явуч занятит. «Гетра» — написана по-русски на школьных тетрадах. Это подарок советских друзей. Школьные принадлежности, медикаменты, продовольствие, белье, папкишки приймак в партизанские бригады. А теперь там нет ни одной валецкой молодежной организации, с которой бы наша молодежь не поддерживала связи.

— Ангола. В одном из селений освобожденной Кабинды явуч занятит. «Гетра» — написана по-русски на школьных тетрадах. Это подарок советских друзей. Школьные принадлежности, медикаменты, продовольствие, белье, папкишки приймак в партизанские бригады. А теперь там нет ни одной валецкой молодежной организации, с которой бы наша молодежь не поддерживала связи.

— Ангола. В одном из селений освобожденной Кабинды явуч занятит. «Гетра» — написана по-русски на школьных тетрадах. Это подарок советских друзей. Школьные принадлежности, медикаменты, продовольствие, белье, папкишки приймак в партизанские бригады. А теперь там нет ни одной валецкой молодежной организации, с которой бы наша молодежь не поддерживала связи.

Товарищ, друг познается в беде. Добрым еще и в борьбе. Днем и ночью на многострадальной земле Вьетнама рвутся бомбы, горят города и джунгли. Но борьба патриотов не угасает, несмотря на чудовищную жестокость, с которой агрессоры-янки пытаются ее подавить. «Мы победим!» — говорят бойцы народного ополчения и армии ДРВ. «Мы победим!» — вторит им партизаны Южного Вьетнама. «Мы победим», — говорят они, — потому что у нас есть волевою дружба в СССР и во всех странах социалистического лагеря!»

В КМО СССР, в редакции молодежных газет и журналов несомненным потоком идут письма от советских пошлой и девушек.

«Мы в ваям всей душой и сердцем,— пишет вьетнамским друзьям молодежи Краснодарского края.— Когда горят и рвутся под бомбами наши школы,— это и наше горе. Когда американские бомбы превращают школы наши больницы, наш гнев свалелется с вами. И если понадобятся, то радом с вами в едином строю встанут наши братья и сестры из Страны Советов!»

Советские люди первыми пришли на помощь братьям изродом Южного Вьетнама и ДРВ. В прошлом году во время Всемирного форума молодежи по инициативе КМО СССР был создан международный фонд солидарности с народом Южного Вьетнама. На 50 тысяч долларов оборудованы, медикаментов, белья и продовольствия от-

то было в одной московской школе. В школьном хезе ребята делали обычные учебнические ручки. Они собирали их в картонные коробки и в каждую коробку наполнялила, вкладывая в нее велеволенную дружбу. Солидарность. Мир. Дружба».

Куда ушли эти ручки? Сейчас трудно назвать точный адрес. Может быть, они живут куболюбивые крестьяне в центрах по ликвидации неграмотности, может быть, дети партизан «португальской» Гвинеи. Сотни маршуртов солидарности направляли нашу страну с народами Азии, Африки и Латинской Америки, поднимающим на борьбу за свободу и независимость своих стран.

Солидарность — очень емкое понятие. Солидарность — это дружба, это борьба. Это взаимная выручка и поддержка, радость вместе и горе вместе. Это один окоп и одна линия фронта. По закону своего рождения и по приказу сердца мы не можем быть равнодушными наблюдателями той великой борьбы, которую начали еще наши отцы и деды. Они были первыми. Они заглади над нашей планетой негасимый огонь социалистической революции и защищали нам беречь и поддерживать его.

Интернациональная солидарность вошла в плоть и кровь советской молодежи. Через моря и континенты мы протягиваем нашим товарищам по борьбе руку дружбы и помощи. Эта помощь измеряется не количеством слов в пространных резолюциях, а конкретными делами. Каждый день со всех концов страны приходят рапорты об этих славных делах в Комитет молодежных организаций СССР, который стал своеобразным штабом интернациональной солидарности советской молодежи с молодыми борцами за мир, демократию и социализм.

Рассказать обо всем, что мы увидели и услышали в КМО, трудно. Это все равно что писать о кругосветном путешествии, потому что из КМО СССР маршуртов солидарности расходится по всей планете.

Мальчик, уютный хала во втором этаже, дом 7/8 по улице Богдана Хмельницкого, девушка у телефона. — Гавана? Комитет молодежных организаций слушает вас...

Советская молодежь
клянется позором
американскую агрессию
во Вьетнаме.

В отделе
печати
КМО СССР.

Международный
лазер.
Дороги дружбы
пересекались
здесь.
Тысячи туристов
приезжают
в нашу страну
по приглашению
КМО СССР.

Фото Н. РЯСНА

правил наши молодежные организа-
ции южно-вьетнамским партизанам.

В мае этого года в КМО СССР по-
бывала делегация Южного Вьетнама.
Петровцы подняли советской молоде-
жи красное знамя с надписью на
вьетнамском языке: «Пусть живет в
веках нерушимая дружба молодежи
Южного Вьетнама и Советского
Союза».

Быть может, когда-нибудь по-
строит на земле Музей солидарности,
и это знамя встанет в один ряд
с простреленными и заплатами коро-
лю знаменами партизанских отря-

дов Кубы, Венесуэлы, Анголы, Юж-
ного Вьетнама... Для будущих поко-
лений наши будни станут историей.
Мы часто даже не замечаем, как
она делается на наших глазах. И как
мы сами делаем историю.

Вдумайтесь в значение этого стро-
ного слова — История! Ее творят —
люди. История в наши дни рождает-
ся в борьбе за мир, демократию и со-
циализм, в жестокой битве нового ми-
ра со старым.

— Я вспоминаю Монтевидео в во-
ябре 1963 года, — рассказывает Вик-
тор Гутушкин. — На главной улице сто-
лпы на ступенях громадной камне-
вой эскалпиды была установка кола-
трибы, с которой говорили делегаты
съезда уругвайского комсомола. Это
было незабываемое зрелище. Пля-
нда, залатая прожестотами и украин-
скими красными штанинами. Тысячи
людей. Мы увидели своими глазами,
насколько велико влияние коммуни-
стов в этой стране. Они собрались от-
крыто на многотысячный митинг. Ре-
чи делегатов, в том числе и советских,
транслировались по радио. Мы видели,
с какой радостью и надеждой слушала
эти речи. Мы чувствовали, что нас
действительно считают своими братьями! Такое не
забывается...

Наша молодежь поддерживает сей-
час связь более чем с 80 молодежны-
ми организациями вулканического
континента — так называют сейчас
Латинскую Америку, поднимающуюся
на борьбу против засилья американских
монополий и их ставленников.

Хозяева так называемого свободно-
го мира идут на любые авантюры, на
любые провокации и преступления,
чтобы удержать свои разлагающиеся
империи. Они пытаются диктовать
свою волю народам, по своему
усмотрению решать судьбы целых
стран.

Но ход истории неуловим. Его не-
льзя остановить в любое время, на-
вернуть вспять. История всегда была де-
лом рук народов. Летопись двадцатого
века говорит об этом убедительнее
всяких слов. Над нашей планетой по-
днимся сейчас небывалый революцион-
ный прилив. Его волны захлестывают
бастоны старого мира, и они рушатся
под их мощным напором.

Тысячи рук — черные, белые и жел-
тые — соединяются в крепкую руко-
жатие. Это рукожатие — клят-
ва с товарищей по борьбе и символ
великой солидарности демократиче-
ской молодежи мира.

«Солидарность не случайно стала
догмой нашего времени, времени
окончательного крушения колони-
альной системы, борьбы за неза-
висимость последних колоний на аф-
риканском континенте, — говорит
председатель Комитета молодежных
организаций Петр Ренетов. — Это со-
лидарность с борющимися народами,
молодежью Африки, Азии, Латин-
ской Америки, это солидарность с ев-
ропейским движением молодежи за
свои права, это солидарность в борь-
бе за мир, счастье и прогресс на
земле».

Молодежь мира знает, что в этой
борьбе на стороне борцов за мир и
светлое будущее человечества всегда
выступают молодежь Страны Советов,
откуда, словно лучи солнца, расхо-
дятся по всей планете маршруты
дружбы и солидарности.

РАССКАЗ

и довез Марию на мотоцикле до парадного и там приторюжил. Она сошла на землю — слышную, сверку, как зюла, в мелких везикулках лавровой ромашки — по-большински легко, запросто. Вытрянула камешки из замысловато бономики с пугвами, бережно провела рукой вдоль ступни с прихулившим шиноклопками.

— Мария! — негромко сказал он. — Пойди в тенд... Грыби... Жара...

— Я не привыкла быть в тенд... — Короткое, резкое движение пальцев — и рассыпавшиеся от ветра, езды, тряски волосы бономи, блестя над лбом, как высокая лыся шапка Борнякин.

— Теперя она стояла к нему спиной и, ожидая ему с поклоном подставляла продолговатое, светлого загара лицо лобовитым взглядом из окна, с балкона.

Ему был виден четкий треугольный вырез на Марининой косичке со смуглой, прохладной даме на вид кожа. Он ощутил адруг, как дрожат его руки, как запылились губы от жары, от отвязной езды, от того, что кожа Марини казалась прохладной даме на вид.

— Обросли видно с мотоциклком, вытер руки прямо о джинсы и пошел к ней. Дом, весь дом гдажд, как он идет к ней торопливо, неровной походкой, слышак, как перешагивая земля в стелхазы и гальке повизгивает под его ботинками.

— А парень... — зам писмысь крикнула ему с балкона соседка по площадке. — Я сейчас прене... — Она нырнула в квартиру поспешно, чтобы он не успел ей сказать, что зайдет сам.

— Сергей Иваш? За квартиру изволите забить плату... — перегнувшись через балкон, напомни ему общественик Усский. — Мерочи, мамочки принять будем! — Он долго кашлял, держась за балюничную решетку, качаясь и приседаю к приступам кладки.

Сенька Куротева, девять лет, в телньишке, перешитой из братниной, выкатился, как чумовой, из подъезда на самокате, обехав их по кругу, сказал съювьз передние чербатые зубцы:

— Энта ходит сюда и ходит... А вы дуболя Обросли намисто... Но водкис с ней, дай Сарежа!

Мария засмеялась и, сорвав на ходу катышек репейника, бросила в Сеньку. Репей повис на телньишке.

— Сенька! — крикнул Сенька. — Кидается, как маленькая!

Мария неожиданно и резко присела на корточки и поманила Сеньку к себе. Он, недоверчиво коська, подкатил, устояв в ее лице.

Сенька со сладко пахнущим пометом, продела Мария — грибы с глазами...

— А? — Сенька глумо резнул рот. — Как с глазами?

Мария поширила в марьяме зеленой юбки, вытаскала кусок желтого фруктового сахара и смугла вле в приторитые губы.

— А вот так... лопай комлениацию и идуй отсюда, морючок! — Она слегка шипенула Сеньку.

Сергей засмеялся. Он любил это умение Марии постоять за себя и в большом и малом, без чисто женских уловок — всяких там визгов, всклинов, истерик... Она uprawлялась с жизнью трезво, помужки.

Сенька со вздувшейся щекой прогрезел мимо. Сергей подумал, что они с Марией могли бы войти в дом с черного хода, по одному. Не зря ж он, другам неприличному, снял всячий замок с узких запястных дверей на случай пожара, вдводем найдась сумой пыльно, машинным пометом, сумой старого клева... Да, они бы прошли через эту дверь, стараясь не очень топать на лестнице, и тогда бы им не попалась навстречу Кота Боряди в своей черной шерстяной рубашке, которую

он носил, несмотря на жару, потому что в душе страстно мечтал бы пжиконом, а у него не получало... Ушитые Котиной матерью китайские полотноные брюки — такие носил все рабочий посылком — вдряз развалили Котину мечту об элгантности.

Удрать было глумо. Сергей осторожно тронул Марию за руку:

— Обожди!

И пошел навстречу Коту Борядю, помазавя замкатор в потной руке газеткой.

— Привет, привет! — сказал ему Кот без улыбки. Цепкие рыжие глаза его быстро обшарили Сергея, теннику, старые джинсы... Приветик...

— Жарко, — сказала Сергей, поправляя очки. — Земля белорукая, жара африканская...

— Так, может, пивка! — предложил Кот, кинува в сторону дороги, по которой можно было при желании выйти и пьяной. — Хорошо бы с собой...

Сергей нетерпеливо переступил.

— Не могу, Кот... Занят...

— Вижу, — усмехнулся Кот, посмотрев в сторону Марии. — Между прочим, ты это зряк... Не тем занят.

— Ты что, очумел? — Сергей скрутил газетку в жгут... — На кой мне твои советы!

— Тебе завод коммат дил как комсоргу, удурничу котурду, дважды шесть — двенадцать, — с горечью сказал Кот. — А ты на глазах у всего народа баб к себе водил, дважды шесть — двенадцать.

— Слушай, ругаться как все нормальные люди — потерсил Сергей. — Что ты зарядил: «Дважды шесть — двенадцать!» Если вглядываешь в это матерное содержание, то условная форма все равно не имеет смысла...

— Так вот — упрямо сказал Кот, отбуква головой рожкой челкой, — считаи, я тебе предупредил от имени штаб «Промектора», чтобы ты это самое безобразие прекратил...

— А если я не прекращу? — насмешливо спросил Сергей. — То что будет? Персоналу сострапалов! Детьель...

— Выбери слова, — сказал Кот, волнуясь и выпячивая бледную книжню губу. — Ты пока ешь комсорг, поймай! Значит, ты на виду, лояня! И мы с тобой, лояня!

— А у нас в Разани грибы с глазами, поймай! — перебил Сергей. — Ну ладно, поговорим...

Он отошел от Коти неторопливо, поспившая, а Мария смотрела на него вопрошающе, прищури сине, как всильком, глаза.

— Это так, один... Ты его не знаешь, насчет рейда привалялся — пробормотал Сергей. — Ну, айда!

— Ну, айда... Насчет какого рейда?

— Ну, по завду, пошто скажу...

Они подошли к подъезду. Мария коснулась Сергея прохладной, гладкой рукой, и ему заостилось не взять — схватить эту руку, прижать к себе. Но он знал, что из окна третьего этажа на них смотрит в трофейный цейсовский бинокль обществовие Усский.

Конечно, они могли бы войти с черного хода, но Мария не стала бы... Ни за что... Борьяна своерывная... Гордячая... Он обернулся и, подняв голову, высунул язык и постоял так немного, чтоб Усскому было видно. Потом прижал к себе руку Марии с замершим от счастья сердцем. Так они и вошли в дом.

Сергей едва успел повернуть ключ, чтобы запереть дверь, как позвонили соседки. Он протянул было руку, чтоб открыть, но планил и отошел. Соседка звонила долго, передавая звуком отчаяние неудовольственного лобовитства.

Они чоловілись всю эту звонки и в радие секунды, когда к Сергею успеваля приплыть раз-

розноныне обрынок каки-то мысли — нет, не о Марии, не о ее расквашенных нежных губах, чуть запалихеных, не о ее плечах, держащих еле уловимый душастый аромат спелой груши, — он думал: «Своясья Кота... Неужели! Неужели он это делает!»

Что делает? Сергей не успеваля, не хотел давать мывать, не мог...

Голова Марии лежала у него на руке. Диван был узкий, старый. Мария говорила, что из него дует. Сергей смеялся, а так и впряду за спичной было большея щель в стене, и оттуда по вечерам потягивало холодом. Мария гдадела прымо перед собой и видела шеироко, пыльное окно, зашешенное выгоревшей газеткой. Заговони она уже вынула напост сварку вниз и снизу вверх: «Кубураты весла», «Километры романтики, «Абувагы гвардской страды»...

Сергей смотрел на нее собою — на спойноные неподожаные ресницы, на медовые, виноцетные улыбки Марии. Бывает время — он пил в Грузии — такое солечное, такое золотое, такое живое, оно кажется горячим, когда глядишь на него съювьз запотевшее стекло граненого стакана.

— Мария! — сказал он. — Мария... Ты знаешь, в детстве я жил в Риге... И вот вспомнилось почему-то... Однажды в воскресенье я забрел в старинный костел святой Анны... Там было много народу. Женщины держали перед собой маленькие книжечки-молитвенники вальчиной с ладьяны... Длинные нитки мелких четок стелили с их рук. Все плач... Это то торжественное, слитное, непонятное... Я различал только одно — «Мария, Играю орган... Мне хотелось заплакати. Я плохо знаю музыку, не запоминаю мелодий. Но ты понимаешь, сейчас я как будто слышу твою музыку... Поют «Мария, и орган... Ты смеешься!»

— Нет, что ты... Сергей, вот заговорил для тебя на осяшка — километры романтики... Без очко ты смеишься... Ресницы вот здесь забиваются, как у красной девицы... За что ты любишь меня, Сергеа? Скажи...

— Люблю! И все! — То, например, что ты красавая.

— Уж и красивая! — довольно воскликнула Мария. — Бледная, как лямка...

Сергей прижал щекой к ее плечу, закрыл глаза. Он с острым чувством счастья слышал ее гибкий, профессионально взращенный голос — голос диктора, который сейчас, на время, утратил привычную напряженность, звучал без тех осябок модуляции и всяких фокусов, от которых Мария часто не могла отбиться и после работы. Он любил, когда она говорила что-домашнему, глотая окончина, и в речн забываешь Марии проксалывали неожиданные, чудесные и яркие, как цветы поляные, родные деревенские словечки.

— Мать у меня... Вот красавица бледная... Тера, конечно, старая стала. Да и не то чтоб старая, — намывавая. — Дождись, подо, пока старость с поля уйдуй, — говорила Мария... — А в что... Сергеа, мужик у тебя... Много. Да шустрые качки, злые. Не жалею здесь появиться. Мы с Нинкой дома варим.

У нас муза тьявела, сытая... Мария засмеялась, легко провела по его щеке рукой. — Слышь? Вот так свидание!

— Мария, хочешь я прочту тебе стихи? Я их ночью вчера написал, хочешь? Да тебе.

— Ну, что ж...

— Слушай...

О напряженке тетивы на дуэт... Когда долина, но не дутье страды... Мне в пылочною намеру разлуки — Пылались в томлении до утра... Но все кончалось... Утром руплика, звоним...

Утром ранним... Забыл. Там на ватмане написано. Вставать только не хочется.

— Не вставай, — сказала Мария, обнимая его...

Главное, что все хорошо кончилось. Странный ты... И так мне нравиться... Так нравиться...

— Ты будешь со мной,— проговорил Сергей, наклонившись над ее лицом.— Я хочу, чтобы ты была всегда. Я не хочу, чтобы уходила и приходила, как гостья. Хватит! И надоело, что надо прятаться. Они здесь так на тебя смотрят... Набил бы морду и Усвикин и этого Котика!

— А!— сказала Мария, отстраняясь и пригладив волосы.— Значит, ты перень в черном говорил с тобой про рай? Так?

— Опять они касались того, чего нельзя было касаться, если он не хотел огорчений, ссор и разлуки.

— Да ладно тебе,— мягко сказала Мария.— Дурчोक... Не придавай значения... Пока ты меня любишь, пока я тебя люблю — все в порядке.

— Как апока? — Сергей, вы оставь, но обязательно надо поспорить... Мы не поженемся никогда!— вскрикнула, нетерпеливо крикнула Мария и оскелась, увидев его расширенные, остановившиеся глаза.— Ну, а хотела сказать: потом, после, ладно? Ну, Сережа, ну, маленький...

— Мария села на диван, отсмотрелась.

— Странная у тебя комната какая! — вздохнула она.— Муть...

— Сергей промолчал. Сам он любил свою комнату с длинным столом для пинг-понга, разделенным рейками на три части. В первом секторе лежали книги, в другом — журналы, стихами, цифрами, дежали готовальня, тушь, шаечка для воды, реисдер и старый лактик. В другом секторе лежали пассатижи, молоток, клоч, ножовка, сверло, роспись гвоздей, проволока... На третьей части он ел. Это было отмечено бабкой с этикеткой «Зеленый горошек» доверку наполненной солью. Кроме стола и дивана, был шкаф и два стула — для него и Марии. Пока на одном стуле стоял магнитофон. Иногда она пела старинные русские песни, а он записывал ее, чтобы слушать их потом, когда ее здесь не будет.

— Самая его любимая была «Во поле березонька стояла». Мария с таким лихим, таким озорным и насмешливым голосом приказывала:

— Вот тебе рогожка, утريس!

— Вот тебе борода, расцелуйся!

— что он несильно прищипывая пальцами и прищипывая в такт припеву:

— Доли, доли, утريس!

— Доли, доли, расцелуйся!

— Мария была из голостского русского села Баканы, бедного урочища, но шедрого на повздоривших на каки-нибудь запальчивые речи Сергея, говорила, отбросив правила и каноны дикторского искусства, низким, бабьим голосом: «Что брешешь-то не по делу? — он выки оставь и вглядывался в поблблблблбл, с тугким, напыренными скулами ее лицо, заново пораженный тем, как почти все свое прошлое она уже отбросила и забыла: и свою деревню, и землю, и, кажется, даже мать, оставшуюся в той, другой ее жизни. Только говор, словечки... И тогда пришло отчуждение, и почти физически чувствовал он в этот момент, как их относит друг от друга.

— Мария все оглаживала комнату, покусывая губы, с которых поцелуй стерли бледную сиреневую помаду... На втором стуле — весь гардероб Сергея: два пиджака, заваренная куртка, рубашки... Шкаф же набит книжками, в большинстве технических, бумажками, железяками, пропах чем-то заводским, может, потому, что здесь хранились бруски твердого бензина. Она перевела взгляд на стол. В расруб ватмана, не распятого кнопками, тихонько поддувала саванчик... Шуршали листочки, робко запяканную тушью воду в стакане.

— Чего это чертишь? — спросила Мария.— Ты же смелый мастер, а не чертеник.

— Но Сергей не хотел ей отвечать. Он думал о ней, она сказала, и трудно было смотреть на его лицо, на треугольные морщины, врезанный меж бровями, а особенно в его глаза. Марии вдруг стало страшно. Она подумала, что он может сейчас спросить все, спросить до конца, сразу, и тогда ей придется ответить, и тогда ей придется увидеть тесное, горькое лицо Сергея в последний раз. И все это сумасшедшие поцелуи под звонки соседок, короткие встречи, его восторженные серые глаза за толстыми окошками очков, стихи, разговоры и подгоревшая на солнце газетка, холодные пельмени в железной миске — все это налетая комната, все это увидет... Женским, верным инстинктом она угадывала, что такому, пожалуй, никогда уже не повторится, и пыталась уверечь это случайно, ненадолго добытое счастье.

— Ты считаешь любовь — это как! — сказал Сергей.— Вроде фокстрота, что ли? Я за тебя немного подержался, ты за меня... и ладно! А потом пластинка кончается и... что? Ну, почему ты молчишь? Мария! Тебе не нравится комната? Мы сделаем ремонт. Сам... То есть я со своими ребятами... Купим декорацию, какая понравится. Хочешь, большие деревья в комплект? Возьму в кассе взаимопомощи, построюлю у ребят... Мария!

— Мария села, уткнув лицо в колени.

— Касса взаимопомощи. Построюлю у ребят. Да, да, он так и сделает, по одному ее слову, но ему этого не нужно, ему будет неудобно попираванный стол в тигровых полосах, где нельзя держать ни молотка, ни шерхебеля. Он поставит этого своего длинного уроча в каком-нибудь сарае и будет там пропалывать! И друзья его будут с ним там, в полугатном сарае на ящиках окуривать друг друга: стучать молотками кулаками по столу, лихорадочно чертить, считать и пить пиво прямо из бутылки.

И будет она, как дура, одна сидеть на тахте в длинном халате с рюшами на рукавах... И Сереже никогда будет ее целовать... А что он будет искать в этом своем сарае? Подумаешь, Эдисон! А ведь все-таки дело к четвертому десятку, и нужна трезвость, и плотное ощущение жизни, и умение взять от нее, что можешь. Разве не так? Что хорошего прожить жизнь аплохач, как нравятся тебе — другому? Как выдержать напряжение, которое навязывают тебе? Нет, нет и нет... Атмосфера вокзала, откуда он постоянно уезжает в

неизвестные ей места... Нет ни ясной ой цели, ни перспективы... Непонятно зачем... Глупо и жалко. Мария вспомнила, как пришла к Сергею неврожно и попала на одно типичное собрание. Давненько плотный, как одеждо, Она сейчас же нашла одую губку и положила на стол, что здесь расселась. Какой-то стриженный, носатый мальчик, ошарашенно уставясь на нее, сказал:

— Вот это да. Вот это девушка. Хотите, мы ваш именин называем генеральной автогруппой. Как ваша фамилия? Серова? Генерально! Автогруппчик Марс — Мария Серова! А?

— Сергей ревниво смеялся и сутеллся вокруг нее, но зная, куда усидит. В конце концов он положил на шкаф все свое барахло, и она села яркая, душненькая, удивительно поосторонная в этой комнате. У стола крутились и верещал болванки всех совсем еще ладных — парничка лет шестнадцати, узкоглазый, в прыщах, а ситер, расстегнувший у ворота. Его звали Лапша.

— Сергей тихонько объяснил ей, что этот мальчик вернулся недавно из колонии. Футбольный стол пытался упереть с дружинами через дыру в заводском заборе, хотел в деревне кому-нибудь зайти, но поймаи дружинника. «Природный механик, изобретатель, котелок варит даже бог никому аспиранту» — зашелтал ей сразу же Сергей. «Котелок котелком, а спереть всегда что-нибудь может», — подумала Мария.— Хоть бы магнитофон Сережа прибрал, лежит на виду, в грех водит. Она сказала это тогда Сергею шепотом, отозвала в сторону и сказала чистосердечно... Но он

друг все пошел бурной патнями, зашлепал на нее и беспомощно оглянулся на стол, за которым, толкаясь локтями, нос к носу чертили дружки и этот самый Лапша. Мокрая губка аявляла им, они шмыгнули ее на пол. И пидо, конечно, пила на бутылку, а ей налили в стакан, предвзвительно отмыв его от туши. Она отпила чуточку сжатыми губами и быстро ушла. И на площадке ей было слышно, как Лапша кричал гусавым голосом:

— Да здесь мало блонки! Ролки нужно на-правляюще, слышь, керя!
И тот стриженный oral в ответ:

— Керя, керя, терери! Как чертишь? Черт! Учиться надо. Вот смотри, как это делвет образованный представитель технической интеллигенции Б. Корня.

Лапша силно смеялся. «Все-таки магнитофон лучше было бы убрать!», подумала Мария.

— Он стихи пишет. Лапинок-то,— вдруг сказал Сергей, провозничая ее, и, улыбаясь, прошил каменю-то небольшие строки мескет того, что, мол, он, Лапша, найдет способ поворачивать солнце, как штурвалное колесо...

— Ну, ну,— сказала Мария.

А в другой раз она сказала у Сергея очень симпатичного молодого человека в польской клетчатой рубашке и складном пиджачке со шлицами. Сергей буркнул, что это корреспондент. Вот приехал собирать материал о воспитании трудных подростков. Корреспондент улыбнулся ей, встал наостреу и все время, разговаривая с Сергеем, взглядывал и на нее, как бы приглядывая сама на свою сторону.

— Ну, так я не понимаю: исправил коллектив Лапшина или не исправил— с легкой улыбкой востую спрашивая он— Мы должны решить, как говорится, моральную проблему на вашем примере... Я, вы, извините меня, ломаетесь... Не хотите помочь газете...

— Он этому Бандиту ключ от комнаты дает, воспитывает, как Махаренко,—Голос Марии был богат модуляциями.

Корреспондент быстро снял колпачок с ручки. Сергей передернуло.

— Кончай!— резко сказал он.— Больше, ты же не в курсе... Ну давай дружок собирай!

Мария не обиделась. Сердце ее билось. Во-первых, ей нравилось, что о Сергее, возможно, напишут в газете, если он сейчас же перестанет вести себя, как котикова лапота, а, во-вторых, ей были приятны взгляды молодого, бойкого корреспондента. Сандалеты у него были импортные с двумя пружинами в виде лир.

Но, конечно, Сергей повел себя не по-людски.

— Он не поленится поехать в город, найти редакцию и устроить там вестелье,— пообещала он корреспонденту.— Вы говорите: мораль, нравственность... Мораль— это правда. Вот вся мораль... А на мой взгляд, о Лапшине писать нельзя даже ради «накули для дружки». Он начал было жечь, как волк, а это сразу не происходит. Будут еще сырма, которые просто не обрысишь... Вы понимаете? Это ж не то, что, скажем, магнитофон. Сегодня «спортлис», завтра почилили...— добавил он, подчеркнув голосом «спортлис».

Ему хотелось покончить с этим парнем мирно.

Испортился,— мягко поправила корреспондент.

Сергей побагровел, сорвался:

— Спасибо... и давайте больше не задерживать друг друга. Я считал, да Лапшина, эта статья будет в газете. Нечего ему объяснять, что из него делают человека. Он и сбжевать может и что угодно... Нет, нет, вы только вред сделаете. Я бы вам лучше техническую идею одну кинул. Хотите? Корреспондент вздохнул, полстала блонют и сказал:

— Зря ты так. Все равно я данные в ларкеме взял. Я могу составить на твою скромность, и все... Давай по-хорошему, а? Две хорошие колонки в газете— это не каждый день случается, так! И не с каждым...

— Катись ты,— устало сказал Сергей.— Ну! Корреспондент ушел, тихо прикрыв дверь.

— Беги за ним, сейчас же!— закричал Сергей, когда корреспондент ушел.— Что ж ты не бежишь, ну! Спелась сразу, пташечки... Ей показало, что он ударит ее, и она ползтилась к двери.

— Ведь он же такого наветр,— кричал Сергей,— так притенет фактик и фактину, а Лапша от меня, благодетеля, идюта, увидет! От нас уйдет... Сергежа,— горько сказала Мария,— ну что мы все соррима, соррима...

В ту минуту она просто не любила его. Зренье ее беспомощно обострялось и злобно предпод-

носило ей некрасиво расположенные надвое темную гладкую прическу Сергея, ступоты, делающую плечи ему, покрашенную рубец шрама на щеке— след любовных могомоков.

«Нет, ни черта не умеет человек думать о себе,— крутилось в голове у Марии.— Не может и не научится. Таких-то жизнь и затирает. Что ж, свою душу ему не вложешь».

Она думала, что расстраивается оттого, что жалвет Сергей, но жалела себя, была рядом с ним. Жалела и предчувствовала, самой себе что-то объясняла, оправдывалась, на что-то рещалась...

Он поглядел на нее сквозь тяжелые очки— свинцово, словно толкнул.

— Соррима! Да не соррима... Рещастема... — Вон что!

Она, себя не помня, бежала по лестнице. Неделю жила в горьком тумане воспоминаний, потом взяла себя в руки. А что было— была бы пошле, Исхит надо пору, ждуть надо нару. А этот не из ее упражки. Как жал... Как жал, что не лапша, но этого не поправить.

На восьмой деле утром она услышала, как тархатит во дворе истонция, сердце утнуло. Она встала без стула. Мария стояла в туннуре, а маме на кухне, делала зарядку по радио. У ног ее, как большой бублик, лежал хула-хул. Он молча встал у двери. Мария подняла с пола хула-хул, крутанула вокруг себя... Главное— бесконечное врещение-милм, круженье. И центр ее, ось— Мария.

— Чайник надо поставь,— приказала она.

Он взял блестящий полированный чайник, понес на общую кухню.

Он поставил чайник на конфорку, увидел в блестящей поверности смазанное, удлиненное лицо с косыми глазами идюта.

— Однако я за неделю переименился,— сказал он себе, усмехнувшись.

Вошел в комнату. Хула-хул упал к ногам Марии.

Он наступил на него.

— Пошли со мной,— попросил он.

Мария запомнилась: «со мной», а не «ко мной».

...

...И вот все кончилось.

— Так что ты чертишь!— повторила Мария наостреу.— Что еще за шутюненько! Знаю, что Беспатная, как всегда, но для чего? Автоматические хлопунки для мух, небось!

Она напружено замяслась. Ветерок раскнивал газету оконца. Лауреры встали, километры романтично... Километры, метры, сантиметры, последние сантиметры...

Она подошла к окну и постояла немного на сквозняке, который раздувал ее широкую юбку с удивительными рисунками по зеленому полю. На одном раштруе— всадник в высоком цилиндре, на другом— охотничий пес с выгнутой пистолетом мордой.

Сергей сидел на диване, охваченный предчувствием близкого горя, и смотрел, не отрываясь, на лысы, медовые волосы, на зарогельные ноги с чуть припухшими шиколотками, изжегал глядеть только в глаза, васильковые быстрые глаза под косыми надменными бровями.

Зачем ты спрашиваешь, если тебе не интересно! Зачем ходишь, если тебе не нужно? И презрение, и отчаяние, и слезы почти были в его глосе.

Он снял очки, быстро и крепко провел рукою по переносице и снова надел их.

— Ты не хочешь здесь остаться, нет? Я знаю. Беда в том, что ты работаешь в магазине. Диктор в магазине... Да, да... Слишком много вещей вокруг. И ты бы хотела все, не так, что ли? Ты и ищешь дом, похожий на магазин. Ты торгуешься с жизнью, но, смотри, проторгуйся... Господи, что я говорю! Марии!

Он увидел подтянутые скулы, сжатый зарогельный кулачок, забарабаняющий по столу так, что зарпыгал карандаши и ластик.

— Врещи, врещи, врещи... не помня себя, кричала Мария.— Я торгуюсь! Врещи! Мне ничего не надо. Что я у тебя просила!

Бормоча, она быстро привела себя в порядок, не глядя в зеркало, ошупье, испелх, лихородно.— Что ж ты заморачиваешь болзанное сердцем, не шевелься, следи за сборами.

— Ну прости,— глудо сказал он.— Прости, Мария. Но это— все: или останься, или...

— Нет,— быстро сказала Мария.— Ничего не выйдет. Нет! Ты помнишь, ты сказала когда-то, что любовь— это когда один человек стоит против другого и глядит на него с легким сердцем. Помнишь?

— Я все помню.

— Так вот. Нет у меня этой легкости. Я всегда натянута, как струнчик. Чтобы ты играть на ней мог. Устал... Я хочу жить хорошо. А это значит жить, как нравятся. Мне нравятся, понимаешь, мне, а не кому-то... Что ж, разве это—преступление? Ты не можешь по-нормальному, как все. Ты хочешь счастья я мне, и Лапше, и всему человечеству. А времени не хватает на всех. Ну и хвастай с меня. Ведь у этого Лапши—эксима, а ты его на диван сажал—добавляла она, вдруг вскрикнув.—Гадость какая, гадость...

— Она застенливо последнюю пуговку на рубчике и подошла к двери.

— А у меня, знаешь, своя жизнь. Ты этого я расчитывать не будуешь. Ты меня за собой потящишь. Ну, а я не хочу, прости уж.

Она привычно повернула ключ, вышла на площадку. Сегодня она старалась не слушать каблучками. Ей никого не хотелось раздражать. Ей никого не хотелось видеть. Она не шла, а бежала.

Сергей поднялся, подошел к столу, пошевелил чертёж.

— Её нет?—подумал он.—Нет и не будет. Она сказала, что у Лапши—эксима и что поэтому... Черт, при чем тут эксима? Лапша—голова. Лапша будет человеком. Но Мария все равно. Я обидел ее, idiot! Идиот чертов, что я ей сказал! А, да, да, да! Идиот! Но почему она ушла? Ведь любила? Пасни для меня пела... Мария! Ох, что же это!

Он снова пошевелил рукой чертёж, стараясь отвлечь себя от одной-единственной владелицы им мысли. От напряжения у него даже мышцы заболели, даже горло звало тошнотливо, как при ангине. Капало по капле он старался выдвигать из себя другие, посторонние воспоминания, но Мария врывается в них настойчиво и свободно. Вспомнил вдруг приземство, серое здание амбара у вокзала и всеялый пыльный грузчиков, кативших от вагонов тазы с запыленными тапками с цементом. Было ветрено, но ветер был горячий, душной. Они с Марией стояли у бочки с квасом и держали в руках затопившие ледяные кружки, отпивавшие антарес. Этого запаха было мало в этот час, никто не светился, и было особенно отчетливо замалчиваемое ругательства потных полуголых грузчиков, кашающих от подымающей в воздух цементной пыли. На Марии было белое платье и бусы, чешские туфли со сложным узором на носках и высоким каблучком. Она легко вздохнула, последила за его взглядом и сказала:— Фу-у... Не хотела бы я быть на их месте. В такую жару—тачки. Фу-у...

— Ты посмотри, какая пыль!—задумчиво сказал Сергей.—Это обвалить можно.

— Да, жуткая пыль.—согласилась Мария и осторожно поставив на морской поднос пустую кружку.—Сергея, я хочу в кино...

— Это же деньги, деньги идут в пыль,—продолжал Сергей.—Цемент! Ветер, видишь, несет цемент. Тут бы лебедуку, да трюски да скреперную лопату. Мария, постой, я поговорю с этими мужиками. Сколько им таскать в тачках цемента и по-

том—важно время. Я вижу, Мария! Съешь еще мороженого, вот лоток...

— Сергее! Ну я прошу тебя... У меня единственный свободный вечер за неделю.

— Машенька, ну миг, ну два слова...

И, конечно, он убежал. Мария резко повернулась, пошла, дошла до ледничка и купила мороженого. Облизывая сладкий брусон, она стояла и думала: «И так будет всегда. Для него эта минуточка дороже всего, и меня в эту минуточку нету. И так всегда». Но этого Сергей не знал. Он вспоминал только, как подошел к ней, размазывая руками, и выпил... семь тонн за два часа...

— Ты понимаешь, семь тонн за два часа...

И наткнулся на усталый, печальный взгляд.

— Мы в кино опоздали!—сказала Мария.—Проводи меня домой. У меня голова болит.

Да, и он проводил ее, а потом пошел к ребятам. Они купили пива и болгарской брызги и пошли к нему «поговорить за жизнь». И Лапша был. И действительно сидел на диване. Он первый и придумал навешать блоки на борта вагона и стойки амбара, когда Сергей рассказывал, как грузят черомо на станции. Она сказала, что хочет жить хорошо, думал Сергей. Жить хорошо... Да... Но со мной у нее это не вышло. Почему? И что значит жить хорошо? Хлеб и мясо в три пальца! Белье в кружевах на 50 рублей новым! Я жил хорошо! Мне было хорошо. Было всего доплато: работы, любви, людей вокруг, путешествия на «Явас». Я делал, что хотел, и обстоятельства не очень стесняли меня с пути, сказал себе Сергей.

Она правая: когда делаешь то, что хочешь, каждый день, каждый час—приходит счастье. (Бежать за ней? Нет, не надо...) Да, и тут важно знать, чего ты хочешь. Тогда все становится на места.

А если бы он прибавил с работы ровно в шесть, ставил кастрюлю у входа, садился обедать в 6.20, с 6.20 до 6.40 поливал цветы, потом они пили бы кофе из полированного кофейника с маркой «Выборщик», куда вставляется специальное сито на стрелочке для кофе. У Марии в серванте всегда был бы ликер и печенье. И в гости ходил бы какой-нибудь Котя в черной шерстяной рубашке, потял, пил бы он кофе с ликером, говорил с завистью: «Культурноне обставился». И на собраниях приводил бы в пример их молодую семью...

И он бы стеснялся встречать ребят на улице, вывода после восьми вечера собаку для прогулки.

Почему собаку? Откуда он взял? Мария никогда не говорила про собаку...

Разный, металлический звон обдал его колошечным холодом, как ледяной душой. Мария! Он кинулся к двери.

Серезенька, вам письмо.

Соседа шагнула ему навстречу.

— Женский почерк.—коктейлю добавила она, погрозна толстенным пальчиком.—Смо-три-те...

— Вам луже сюда не ходить!—серьезно посоветовал ей Сергей.—У меня, кажется, начинается скларлатина.

Соседа ойкнула и исперлялась.

Сорвав с окошка газетный лист, Сергей рванулся створки. Оно выходило на дорогу, помету пустынную в этот час. Никто не шел, не езд.

Сергей вздохнул и уселся на подоконнике, обдуленном, теплом от солнца.

— Ах, испорчился-таки,—пробормотал он, заведя вдруг две мужские фигуры, повзвизавые из-за поворота. В одной фигуре он узнал Кото, а в другой Гошку из отдела главного механика. Они тоже заметили в окне Сергея, и Гошка, которому, наверно, хотелось как-нибудь отделиться от Коти, крикнул:

— Сергей! Я и тебе сейчас зайду!

— Оснастившись—крикнул Сергей.

Он представить не мог, как они будут разговаривать. У него, казалось, даже губы болели от напряжения, даже в сулах лопнули. «Я болен, болен, наверно,—решил он.—Какая тоска».

От Гошки пахло пивом и свежестью речной воды. Майка еще была влажна от купания и четко проступала сквозь рубашку, как отрис на фотобумаге. Он был весел, доволен миром и курил сигареты из особой пластмассовой коробочки.

— Страдаешь!—сказал он.—Это все жара, чтоб ей пусто. Статистикой установлено, что в жару происходит наибольшее число драм семейных, бытовых, всяких драк и даж...

— Не трепись,—попросил Сергей.—Что за привалы!

Гоша заметил забытый Марией пестрый капроновый шарфик.

— Ну вот, сейчас же за орыводило. Не серяй, печника лопнет. Другу! У одного грева древнего сказано: «Судья смертный быть не может. Если богатство плавает к нему, значит, уданчик он, но и только». Все условность, Сергеа. И не придавай значения ничему. Не вживайся, ясно! Ну, Мот, ну, Валь, ну, Галя... Все одно. Если к другому уйдит новость, то неизвестно, кому поведал. А!

Он пересел на диван, с наслаждением оперся о спинку, закурив.

— Жизнь, Сергеа, такая уж штука. Каждый хочет прожить получше. А бабы—они, брат, знают, теплого шутку, как полущее ментают. А ты не мечтаешь? Ментаешь! Это нормально... Ты чего?—прибавил он, поглядывая в лицо Сергеа.

Сергей молчал. Он молчал так долго и смотрел на Гошку так неотрывно, что тот встал неловко и влезал за ручку двери.

— Чего-то ты не в себе, Сергеа, а? Я пойду что ли!

Гошка ушел, не прикрыв дверь, чтоб не хлопнуть. Вот так... Все, все хотят жить хорошо: Мария, это вот Гошка, Лапша и, конечно, Кот. Но что это значит—жить хорошо? Плавать на все, как Гошка! «Не упускай своего», как Мария! Чужой, чужой!

Сергей лег на диван вниз лицом.

«О чем я? Чобы мне жить хорошо, нужно, чтобы Котике стало плохо... «О ветер бо, ветер бо»... Черт! Мысли лгутают...»

Он решил уснуть, но сон пришел только под утро. Принилось, что это идет к дому Марии, но в ее он не знал, что это только снится.

Рисунки В. ИНОТИНА

В ПОЛЕ

НЕ ПЛАКАТЬ, НЕ ХИЗНАТЬ

ДИРИЖЕР

(ЛИРИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ)

Шли друзья в сапогах
и ватниках.
Все искусство — тощий
понос.
Возвращались в ряды
романтики
Ранних поносов и втак.

М. ПОЛЯЧЕК

Сергея не любит говорить о себе. Он вообще не любит говорить много. Но иногда — это случается, когда речь заходит о целине, — Сергей вдруг говорит: «А ты помнишь, какой закат мы видели однажды в Ново-Покровке? А дождь, когда шли пешком в районный штаб, помнишь?»

В этом году он опять едет на целину. Это будет пятая целина МЭИ и пятая целина Сергея. Он может сказать себе:

— Она без меня проливает, наверное, —
Это я без нее не могу.

800 человек — отряд МЭИ — уехали в этом году на целину.

А в 1961 году было только сорок. В сентябре в Москву возвратился из Казахстана первый отряд МЭИ. Мы стояли тогда на перроне — все встречающие — отдельной группой. И чувствовали себя чужими рядом с ними. И отчаянно им завидовали. Завидовали им потому, что они увидели там, на целине, что-то совсем непохожее на лесники, конструкторы, тетрадки. Потому что связаны они теперь были самым большим, что может быть, — товариществом.

А они все никак не могли расстаться. Стояли и пели на перроне, обивая друг друга за плечи. А потом строем пошли в институт. Через еще не пропущивший город. И самый первый из них все знала Целиноградского обкома комсомола.

В 1962 году еще не была спроектирована заводская стройплощадка с мастерским. Знарок, который в 1964 году прикомандован 30 тысяч студентов. Не только знарка не было. Нам еще не знали на целине.

— Строить придется? А из чего? У нас леса нет, кирпича нет, гвоздей нет, — так говорил вешной директор совхозов нашим представителям.

— Достанем.

И в мае на целину пошел эшелон с материалами. Это наши ребята — кто-то из них ухаживал на год в академический отпуск, кто-то совмещал учебу и безотрывно по строительным трестам — не выезжал из аэсоциальных комбинатов и кирпичных заводиков.

— Они же все сами: и достают, и привозят, и строят, — изумалась директорша и на весенних производственных совещаниях 1963 года просила в свои совхозы строителей-студентов. Мы стали там нужны.

Посчитаны освоения сметная стоимость и количество отдельных объектов. А чем в жизни стали эти целинные летние месяцы для каждого из нас?

Я приезжаю сюда уже третье лето. И с каждым разом мне все труднее уезжать обратно, в Москву. И с каждым разом я все больше вижу там людей. И все дороже мне красота казахстанских степей. И хочется рассказать о людях и о степи так, как я это видел.

НЕ ПЛАКАТЬ, НЕ ХИЗНАТЬ

Ну так что ж, Серезжа,
Наш удюл таной:
Встречи, свидания,
расставания,
Будешь, все мы знаем,
Брейдить целиной
В институте МЭИ
на собраниях.

Это один из куплетов песни, которую посвятил отряд Полтавского совхоза своему прорабу Сергею Павлову.

В 1964 году Сергей приехал на целину в четвертый раз. И месяц работал прорабом в совхозе «Полтавский». Потому месяц, что он уже инженер. И ему удалось приехать на целину только в отпуск. А в 1962 году он был начальником отдела в Ново-Покровском совхозе. Отряд рабочих у него — 12-й, 16-й и 30-й километры. Сергею приходилось одновременно выживать в центре стройтерритории, ловить шиферы и заставлять возить цемент, заботиться о быте отряда, о продуктах, инструментах. На нем лежало все то, что сейчас делал прораб, завхоз и командир отряда. Он приходил к нам в отделение пешком уже глубокой ночью. Осунувшийся, усталый так, что ему уже не хотелось есть.

Он шел к нам на кухню, садился прямо на пол, спиной к печке и прося: «Почитайте что-нибудь...»

И тогда я читала Лутовского:

Не плавать, не хизнать, не нать, не бояться.
Не челокта стиснуть до боли.
Не чловко печатать в сердцах прокламации
Сухой человеческой воли.

Я читала и думала, что это стихи о нем. Если он приезжал к нам днем и если ему не нужно было ехать в карьер, ругаться с деспичником или с прорабом, он шел работать на объект вместе с нами. Мы ему говорили:

— Отдохни лучше, Серезжа.

А он отмахивался и не уходил...

Мы с Валей Захаровой остались в ударной бригаде работ поварам, когда весь основной отряд уже уехал. Кухня была крошечная,

открытая с одной стороны. Ночью и днем назойливо свистел в проводах ветер. Он тащил и тащил себя во все цели. И на кухне у нас не было света. После ужина мы с Валей брали нож и скребли подпорченные бакчи и кастрюли около печки с открытой дверцей. А когда दौरа прогнала, мы брали фонарики. В одной руке нож, в другой — фонарик. А за стеной вил ветер. Было холодно. И первый день мы были на кухне одни: ребята уехали работать за 5 километров, а после ужина они все сразу ложились спать. К нам приходила только Серезжа Павлов. Он чинил крышу кухни, забивал досками щели или просил дать ему почитать самой трудный бак.

Мы скребли кастрюли, расширяли Серезжу о нервах, о том, как поднимается крыша на кошере. А потом, глядя в огонь, он тиховко шел нам «Барбарички» Оксуджы или «Ассоль».

Я много сидела почкой на машине. Шарахалась в сторону тулчинок — маленькие зернышки на длинных ножках с большими ушами — кентуру в миниature. Рывками бросался под колеса черные пятнами.

Помню, как обдавали в дождь мы вскаки бродя черн. Помню, по крутому спуску сползали к реке. Ишим разлился после дождя. Посередине застряло больше десятка машин. А раньше утра все равно не прихватил трактора. Наша машина заглохла метрах в пятидесяти от другого берега. Павлов предложил:

— Делем бригаду. Покем людей со всех машин и вытаским все — одну за другой.
Шел дождь, и вода в Ишиме стояла выше колен. Мы расчищали машины и подталкивали их к берегу. На броде стало весело. И шумно. И вода вроде бы потыкала. И перестал дождь. А мы разовались: нам удалось по-своему повернуть этот маленький кусочек земли.

ВАЛЯ

Валя Захарова была в отряде самая младшая. Ей только что исполнилось 18 лет. До целины я ее встречала в институте очень редко. Заменилась мне только тренировка по волейболу в спорткортисе. Стояла у стены: девочка, которую недавно озиралась, а если к ней летел мяч, то она делала такие бессмысленные движения, что он обязательно попадал между рук. На целине я заметила ее после того, как однажды в обеденный перерыв читала «Снег» Лутовского. А потом два дня еще свободное время Валя переписывала «Снег» в свою записную книжку. А потом я увидела, как она работает. И мне захотелось остаться работать только с ней. И в совсем забыла это впечатление от тренировки в спорткортисе. Потому что я ни разу не видела, чтобы Валя в чехоту была бесконечною на целине. Потому что она все научилась делать легко и как-то по-особенному весело. У меня перед глазами до сих пор

стоит худенькая зеленоглазая девчонка со вздернутым носом. В сапогах и вельпном ватнике. В одной руке нож, в другой — сковородка.

— Ты посмотри: чарльстон танцуют вот так...

Вечером мы иногда ходили с ней в степь, смотреть, как вспыхивают на горизонте зарницы, как колышется степь под ветром. Возвращались домой тихо, на цыпочках, чтобы не разбудить ребят. Засыпали мгновенно, даже не сняв телогреек, — в окнах не было стекла. А утром в пять часов звенел будильник. Днем мы старались послать друг друга отдохнуть.

— Ты иди, я тебя разбуджу через час...

— Тебе же одной трудно...

— Но мы же посуду вымыли. Я пока печку разожгу. Как раз час и пройдет...

— Ну ладно, но только на час.

Через три часа я проспалаась и бежала на кухню. Валя хитро на меня поглядывала. А в следующий раз я проделывала такую же штуку с ней.

СВОЕ МЕСТО

— Целина — это как запой, — вспоминается разговор студента с корреспондентом из «Целинного края» — Я работала в «Пропеллере» МАИ. Приехала один раз на уборку, потом еще. А потом поняла, что не могу без целины. Остался здесь работать.

Или еще — разговор с врачом из Алексеевского отряда на вокзале в Целинограде:

— Ты из 1-го медцинского? 6-й курс? А куда вас распределяют?

— Как это куда? Я поеду в свой совхоз.

Сергей Литвиненко тоже остался на целине. Он был бессменным командиром краевого студенческого отряда. До сих пор среди ребят ходят легенды о его выдержке, дисциплине, умении работать. Он окончил МГУ и уехал работать в Целиноград. О нем рассказывали: что бы ни случилось в любом отряде, как бы ни было плохо со снабжением, с питанием, — приезжал Сергей, собиралось комсомольское собрание. И так все его слушали, что руководитель отряда облегченно вздыхал: «Теперь все наладится».

РОМАНТИКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В 1964 году в Кызыл-Жарском совхозе мы жили на отделении в Оксановке. В большом каменном зерноскладе. По утрам как будто цыркающие вербы и возня мышей на полу. А ночью мы никак не могли заснуть. На току около самых наших дверей работала велька. И упругой струей било зерно. Я подставляла руку: оно тяжелое и живое. Хочется окуситься в эту струю, по крайней мере подставить голову, чтобы потом вытряхнуть из волос пшеницу. И чтобы за шиворот текла тонкая струйка зерна.

Я видела ночью комбайнеров — черных, как утюжников, заросших щетиной. Я видела, как они почью жгут машин и жгут костры, похлещет сомома, а потом по ней бьют комсом советные зыбки пламени. Я видела шоферов, усталых, осунувшихся, вечно не высылающихся:

— Неудя отдыхать, комбайны простоят.

Я видела, как сыпется хлеб из комбайна в машину и как оседает машина под его тяжестью.

Я слышала обрывки разговоров:

— А в третьей бригаде все скосили к двенадцати ночи и шехали во вторую — помогать. А во второй уже все спать легли. Так третья бригада и не все скосила.

Шоферы возили хлеб от комбайнов на ток до двенадцати, до часу ночи. А потом обязательно давали один или два рейса на элеватор, на станцию. Элеватор ночью похож на высотное здание в Москве, украшенное к празднику: огни, огни огни. У подъезда в элеватор — очередь из машин. Огромные, тяжелые, темные, они выстраиваются друг за другом у ворот. И вся степь около станции пережарена голубыми мечами света. И все до горизонта в отычках. Так идет хлеб.

Составлявшие они, эти ребята из степей, они не спорят о романтике, они в ней живут. Им гораздо труднее в другом: в совхозных библиотеках мало книг, еще не везле есть школь-десятилетки, трудно учиться, когда приходится работать по 15—16 часов в сутки. Но я видела, как Роберт Михайлович, шофер совхозной машины, читал в первый раз Хемингуэя. Ребята наши жаловались:

— Роберт совсем работать перестал.

А Роберт боролся что-то о сломанном зажигании и читал «Фистус».

Я очень много слыла с Володей Савельевым, шофером целиноградского АТК. Он останавливал машину где-то посреди дороги и говорил:

— Ты только посмотри...

Это садилось солнце, и нестерпимо пылала горизонт, и все вокруг также пылало. Или вдали черным островом стоял лес. Володя умла видеть. Наверное, поэтому ему сразу стала близка «Земля людей» Сент-Экзюпери.

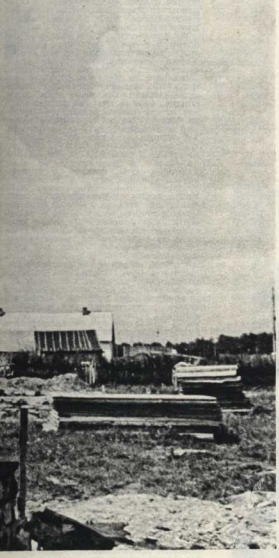

Фото С. ПЕТРУХИНА

Я знала Володо всего две недели. Он поражал меня тактом и вниманием к людям.

В Оксанку пришла трое парней из центрального отделения. Пришли пешком — не было машин. И им еще предстояла обратная дорога по степи. Волода спросил меня:

— Им нужно вернуться? Я их отвезу, только скажите последний рейс.

А там, в центральном, один из них получил телеграмму — ему нужно было срочно ехать в Москву. А деньги на дорогу были только у меня, в Оксанке. И уже совсем была ночь. А Волода начинала работать с пяти утра. Он усмыслил, как мы с ребятами придумаем, где бы достать деньги, и сказал:

— Поедем, привезем. Ведь ему срочно нужно в Москву.

18 километров до Оксанки, 18 — обратно, 18 — опять до Оксанки. Мы вернулись в два часа ночи...

В каждом из нас жила потребность в романтике и талант уехать туда, где труднее. Нам говорят старшие:

— Перестань. Это от молодости. Нам говорят люди, умудренные опытом: — Все пройдет.

А я встречалась там, на целине, с людьми уже взрослыми, которые прожили в Казахстане с того 1954 года. Они рассказывали, как — приехали как жила в палатках. Как было трудно и весело. Один шофер остановил машину, нырнул в багажник и достал красивую потертую книжечку — комсомольскую путевку. Для него романтика продолжалась.

Дома тренера ждали письма. Передавая их, сосед не преминул злобно заметить, что ему давно следовало бы подумать о темном почтовом ящике.

Одно из писем было из Куйбышева.

Тренер уже привык к местным адресатам: «Вашу ученицу звать футбол». Ну, а что понадобится от него Ю. В. Мисренчу?

Автор письма много писал о характеристике. Вслед за многословными критическими замечаниями в адрес местных тренеров он сообщал, что учиться в седьмом классе и твердо решил переехать в город, где живет тренер, и поступить в его школу.

На такое письмо отвечать надо немедленно: «Да, Юра, футболист должен уметь быстро бегать, хорошо прыгать, быть выносливым, смелым, выдержанным и хорошо учиться. А у тебя, Юра, как учебной Суля по письму, невнято. Много ошибок. Уверен, что и в Куйбыше есть немало хороших, знающих тренеров. Они тебя, несомненно, помогут, и ты, если, конечно, проявишь трудолюбие и настойчивость, сможешь стать неплохим футболитом».

Футбольный матч способен повлечь постоянные замечательные дела. Конечно, легче всего просто бросить его мальчишкам: «Вот, ребята, вам ящик, поступите в ту или другую школу, а скоро вернутся». Куда труднее поставить характер этим неугомонным планам, для которых и сонно-то потому, наверное, кажется столь ярким, что покосне на громадный футбольный матч.

Словом, все оказалось сложнее, чем он думал вначале. В прошлом известный футболит, тренер, начал обучать детей, поучительное слово — поплам в иркутское плавание. Причем на своем корабле «застегнулся быт в каютальной и ночью, одним сразу».

Учебный футбольный игры для детей пока, увы, можно пересчитать по пальцам. Да и в них мало что можно считать интересного. А с ребятами иначе нельзя. Они называют его пошу: «Суку».

Эту не бог весть новую истину тренер знал и раньше. Но только теперь, поняв, что надо начинать перестройку собственного педагогического багажа, и делал это нудно не попутно, а сейчас же, немедленно — после первого родительского собрания, которое он провел перед началом занятий.

На этом собрании тренер немедленно растерялся. Еще бы! Попорядку успокоить разгневанную маму, которая, размышляя перед тобой, чье дело успеваемости сына, устанавливает на том, что родоначальником всех мальчишеских дюек является это (то его только выдумал футболит Нет худа без добра. Именно гневная речь этой футбольнонаивностины и в малахольном состоянии форму контроля за успеваемостью юных футболитов.

Конечно, легче всего сказать двоичнику: «Не исправляй вольно отмот — забудь долгу». Тренер был убежден: в этих самых дюках, истина, не таких уж частей, футбол не знает, передала же мальчишки всегда найдут. Где погонять там.

«Нет, это не выход. Но, с другой стороны, если некоторые ребята не успевают в школе, значит, надо посмотреть систему занятий», — думал тренер.

Так родился этот листок, носивший довольно скучное название: «Сведения о состоянии здоровья и успеваемости учащихся: 1. Состояние здоровья. 2. Успеваемость по футболу. 3. Поведение. 4. Замечания футбольной школы».

Важно видеть линия отрыва, и в второй половине листа графа: «Замечания родителей и общеобразовательной школы».

Вот еще один «каницлерский» документ. Приведем его полностью. «Уважаемые товарищи (папа, мама, дедушка, бабушка и т. д.).

Руководство футбольной школы молодежи просит Вас присутствовать на футбольных встречах между командами. В списках команды футбольной школы — Вас...».

Это очень приятно, когда за этой игрой следят такие большие люди. При них и проигрывать вроде бы неудобно.

Вернемся, однако, к первому документу. Несмотря на свою сухую и малоувлекательную «внешность», он оказывается много интереснее, чем казал воедино тридцать интереснейшие стороны родившейся общеобразовательную школу и тренеров.

У родителей повышенный интерес «Вашу ученицу» в составе семьи. Заглянув в нее отцы и матери и довольно удивлены: сын оказывается — лучше не надо!

Это может показаться случайным совпадением, но в большинстве случаев при этом, удивленный в постели многих, не носился никого из писем тренера.

Слово врач — закон для тренеров, и если врач считает, что игрок не должен участвовать, в матче, пусть это будет сам Пеле, он не выйдет на поле.

Истает сказать, и поле это построено и оборудовано самими учениками. И если бы на деревянных и бетонных цитах для отработки ударов по мячу, на переносных и винных воротах, футбольном вивентаре полагалось оставлять автографы строителей, весь этот инвентарь наверняка бы испещрен подписями ребят.

Это очень хорошее поле, с добрыми травяным покровом (два месяца работы возили дерн из пришкольного сада, надо ли говорить, как следят за ним его хозяева, как искренне возмущаются, заметив на газоне окурки или обрывок газеты).

Курить в школе нет, а те, кто пробовал баловаться табачком, вынуждены были бросить. А если кто-то и нарушил введенный порядок, навлеченный отнесился к этому «поощрению» с большим интересом «адробычей» стеной газеты.

Но есть в газете и другие заметки. Ими гордятся.

Был какой-то ребята на всевозможных соревнованиях в Гомеле. И вот, гуляя по городу, заметили они какую-то команду, которая бросилась убивать повар. Горестноответ обьявилась реуль — благодарность.

Для меня и ребят эта благодарность — дельно сказать тренер.

И правда, ведь неслучайно мысленно провести границу между воспитанием и обучением техники игры. А что может быть дороже для педагога, чем сознание того, что выращенные питомцы опередил, наполнили сил и готовы пуститься в самостоятельный полет? Ведь почти с каждым из учеников (в классах командах страны их только нет) у тренера складывалось воспоминание. Их спортивный рост — это в какой-то мере и рост тренера.

Пока только складываются сулыбы футбольных тренеров. Один полудолг, другой — полный, охватывает почти каждый сезон. Бросают якорь в любой бухте.

Мой тренер не «вварял». И я, признаюсь, немало удивился, узнав, что в 1954 году перебрался директор школы и начал работать со взрослой командой класса «А».

И это, правда, удручь? Ответил мне главный тренер Федерации футбола СССР Владимир Рогов: «Вот, конечно, ему неслучайно расставаться со школой. Но ведь он вырост, а сейчас — это уже не школа».

Я это знаю, и еще я знаю, что его «бышние» ребята не стали теперь для него учениками, но зато они будут играть против его новой команды, все равно он будет возвращаться и переживать, как раньше.

А фамилия? Как фамилия вашего героя? — спросит читатель.

По моему, она здесь ни к чему. Таких людей много, и их имена, по правде, известны Артемий Фалин, воспитатель Валинского, Вруткин и других известных воспитателей. Фотом, ныне старший тренер команды мастера ереванского «Арабата».

Юрий АРУТЮНЯН

ФИЛЬМ О ПОДВИГЕ МАТЕРИ

...Казань. Тюрма. Большая комната, разведенная решеткой на две половины. В одной — заключенные, старшие переписывают друг друга, разговаривают со стоящими по другую сторону посетителями. Пригнувшись и решетке, Мария Александровна разговаривает с Володей. В руках у нее бумка, из которого виднеется горнышко бутылки с молоком.

— Ходи по камере, Володечка! — кричит Мария Александровна. — Каждый день таскай бутылку. Надо дрягаться!

— Обязательно, мамочка! Не беспокойся! — кричит ей в ответ Володя. — Как ты себя чувствуешь?
— Хорошо. Мне удачно, выхлопотать тебе замену этапа пребывания под надзором в Кокуняново...

— Спасибо, мамочка...

Кадр из фильма. В роли Марии Александровны, матери В. И. Ленина, — народная артистка РСФСР Е. Фадеева.

Фото С. ЕРЕМИНА

— Я буду здесь до самой твоей отправки, Володечка. В Кокуняново тоже вместе.

— Пречудно, мамочка! Ты не беспокойся, мамочка. Университет закончу вовремя. — Я буду заниматься, заниматься!

Это эпизод из нового двухсерийного художественного фильма «Сердце матери», съемки которого ведутся сейчас на студии детских и юношеских фильмов имени М. Горького. Фильм ставит народный артист СССР режиссер Марк Донской по сценарию, написанному Зоей Воскресенской в Ирине Донской.

Фильм задуман как широкое полотно о семье Ульяновых. Он охватывает тридцатипятилетний период жизни Марии Александровны и ее детей, рассказывает о нелегких испытаниях, выпавших на ее долю. Умирает муж Илья Николаевич, умирает двоюродных тещин, умирает Старшего сына, Азея, назван такские палачи. Гибнет от страшной мучки дочь Ольга. Остальные дети выбирают разные пути и опасный путь в революцию. То одного, то другого бросает в тюрьмы, ссылают в Сибирь. Они за нелегким скрываются в подполье и эмиграции.

Первая серия, которая будет называться «Сердце матери», рассказывает о трудной жизни главы семьи Илья Николаевича, о юношеском походе Владимира Ильича, трудной поре его нравственного возмужания в качестве присяжного поверенного в Самаре на суде, где он защищал крестьян, обвиненных в разгроме хлебных амбаров.

Вторая серия — «Верность» — рассказывает о пути Владимира Ильича в революцию, раскрыт его образ как организатора в волеи «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», повествует о его пребывании в ссылке, тюрьмах и эмиграции. Фильм закончен — приезд Ленина в Петербург в 1917 году и его выступление с брошюрой на Финляндском вокзале.

События, происшедшие в семье Ульяновых, естественно, будут отражены на большом историческом фоне. Действие фильма происходит в Симбирске, Нижнем Новгороде, Саратове, Москве, Петербурге и Стокгольме.

Образ Марии Александровны создает актриса театра имени Ленинского комсомола Елена Фадеева. В роли Владимира Ильича выступит дипломат антверпского факультета ВГИК Радий Нахалович, перед ним стоит трудная задача — раскрыть эволюцию характера, взглядов Ленина на протяжении многих лет. Илья Николаевич Ульянова играет заслуженный артист РСФСР Давид Сагал.

Наш фильм, — сказал режиссер-постановщик Марк Донской, — как посвящение матерям мира, для которых образ Марии Александровны должен стать ярким примером удивительного мужества, верности долгу, материнской преданности. Идею матери можно определить словами Максима Горького из «Сказки об Иване»: «Герой — это тот, кто творит жизнь вопреки смерти. Мать — всегда против смерти. Мать — бесстрашна, если дело идет о жизни, которую она, мать, творит и охраняет».

Вл. БАУЛИН

ЖИВЕТ СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Эта песня не раз звучала по радио, пели ее и перед камерами московского телевидения, но чаще всего ее услышали, естественно, в стенах Первого Московского ордена Ленина медицинского института. Потому что она стала институтским гимном.

Смелые, с проверенными нервами. Смерти и болезни вопреки. В медицине вступоду будут.

Первыми МЛМИМ выпускники.

Этой песней отпразднуют студенческие вечера, ее по традиции каждый год печатает институтская типография в номере, посвященном очередному выпуску.

Но кто написал эту песню? В ответ на этот вопрос сегодняшние студенты-медики помнят так:

— Неизвестно. Студенческая песня, народная... Недавно в редакции «Смежны» пришли авторы популярной песни, в прошлом студенческие поэты, а ныне кандидаты медицинских наук Валентин Кондрор и Александр Шабан и автор музыки, ныне старший инспектор Министерства здравоохранения РСФСР Галина Осипова-Лиманова.

В 1954 году они вместе со своими товарищами-студентами Григорием Долгопотовым, Георгием Зильберблатом, Николаем Коростелевым, Владимиром Бычковым и другими создали в институте свой «ВТЭМ» — творческий театрально-эстрадный коллектив. Для первого вы-

ступления студенческого коллектива и была написана эта песня о выпускниках Первого медицинского.

Скоро живые свои отгрохот дворца им. И встретит их с любовью в Клиники, больницы, роддома...

В 1957 году выступления «ВТЭМ» были отмечены дипломом II степени и серебряной медалью Всесоюзного фестиваля советской молодежи, который предшествовал VI Всемирному фестивалю в Москве. Вот тогда-то с легкой фестивальной рини и зазвучала эта песня особенно широко. И поют до сих пор, и, видимо, будут петь, потому что полюбившиеся песни живут долго.

Авторы студенческой песни В. Кондрор, А. Шабан и Г. Осипова-Лиманова в редакции «Смежны».

Фото В. ТЮНКЕЛЯ

Железная маска

то не смалод а Железной Маске — знаменитой Железной Маске, заключенником там в царствование Людовика XIV!

В Бастилии узник был доставлен на носилках, а лицом, закрытым маской, которую он носил, не считал. Имя его оставалось неизвестным даже его товарищам. И лишь в записку о его смерти появляется много не говорящее имя Матильды. Ему посвящено много научных исследований и художественных произведений. Он является одним из действующих лиц романа А. Дюма «Виконт де Бражелон», а в наши дни вышел под кинофильмом «Железная Маска. Мало кто знает, что Железная Маска — историческая личность, описанная Железную Маску, тайна его имени и преступления, за которое последовало такое страшное наказание, а также судьбоносное почтение, оказываемое ему товарищами, — все это, вполне покаянно, возбудило любопытство современников и породило множество спекулятивных и фальшивых или действительных имен узника.

В Железной Маске видели герцога Монмута — незаконного сына английского короля Карла II, герцога Бофора, Фике и даже Мольтера (короля Швеции), которого пытали в Версале, драматурга короля Людовика XIV. Считали также, что Железная Маска связан с королевской фамилией, и предполагали в нем то сына Анны Австрийской и герцога Букинина или кардинала Мазарина, то сына Людовика XIV и Лизы Орлеанской. Однако наиболее популярностью приобрел эпизода своего Волтера, согласно которой Железная Маска был брат-близнец Людовика XIV. Несчастного принца заточили для предотвращения смуты, связанной с возможной борьбой за престол. Это предположение широко распространилось благодаря уже упоминаемому роману А. Дюма «Виконт де Бражелон».

Была и еще одна версия, выдвинутая историографами. Теория утверждает, чтобы обосновать «калитушность» Наполеона I, Соласно созданной им легенде, сам Людовик XIV был незаконным сыном Анны Австрийской, а в Бастилии был заточен действительный наследник французского престола. Позже узник оказался на дощечке тюрьмы, в которой родился его младший сын. Мальчика сразу же после рождения переправили на остров Корсику, где ему дали фамилию Буонапарте. Его потомком и был Наполеон, который, таким образом, имел все права на французский престол.

Но кто же в действительности был таинственным узником Бастилии? Сейчас тайна Железной Маски разгадана, и она оказалась далеко не такой романтичной. В действительности узником, прозванным Железной Маской, был швейцарский оловянный Эрколю Матильдо. Он родился в Матильдо в 1640 году в Болонье, где в молодости преподавал в университете; затем он переехал в Мантуя и стал министром герцога Мантуанских. В 1678 году Матильдо принял участие в заключении тайного договора между Францией и герцогом Мантуанским. Согласно этому договору, Мантуя уступала Франции крепость Казале. За свое содействие в деле заключения договора Матильдо получил от Франции 100 тысяч скудо и дорожные подарки. Однако Матильдо violated тайный договор друга заветным раскольничьим сообществом, а именно Австрии, Испании и Савойе.

Матильдо был захвачен на территории Венеции агентами французского короля. Его заманили в ловушку, устроенную послом Людовика XIV в Венецианской республике. 2 мая 1678 года Матильдо был заключен в крепость Пиндероль, затем переведен на остров Сен-Мартен и, наконец, 18 сентября 1698 года доставлен в Бастилию, где и умер спустя пять лет — 19 ноября 1703 года. На смертном одре Матильдо был похоронен на кладбище Сен-Поль под именем Марцио. Таким образом, всего в заключении Матильдо находился более 24 лет.

Поскольку арест швейцарского дипломата противоречил нормам международного права, все события связанные с Матильдо держались в строжайшей тайне. Отсюда и все те меры предосторожности, принятые для того, чтобы его имя оставалось неизвестным, отсюда и знаменитая маска, постоянно скрывавшая его лицо.

Кстати, Матильдо был доставлен в Бастилию в маске и с целью балбаста и носилок только эту маску. Таким образом, узник в железной маске вообще никогда не существовал.

Д. АРКАДЬЕВ

«Мне не смешно, когда фигуляр презренный Пародий бесечест Алитер...» — говорит Салвери у Пушкина.

Но сам Мюцарт весело смеется, слушая шутки сырпача. Неумелое исполнение своей мелодии раздражает как нишу. Подлинное творчество изобретает и шедра, и оно дает право быть синкопированным, этого и не может понять первый Салвери, во всем пародийном искусству способный на преступление.

Пушкин знает, что даже самая злая пародия, то есть пародия подделка под стиль автора, не унизит художника.

Сейчас нам странно представить, что в свое время были пародия на самого Пушкина. Пародии забылись, а Пушкин остался.

Например, на Маяковского пленника — «Камышинский пленник», на Бориса Годунова — «Пленник Стеньга Разина», на Евгения Онегина — «Евгения Вельского».

Вот, к примеру, стоник из пародии на «Евгения Онегина»:

Вот как глупо и востанье. Она дошло коротка. Она не слышно глупо. Она не есть и о приезде. И о давешней старине. И о друтих, и обо мне. И о дружбе, и о востанье. Читайте далее, а я буду дописывать, что только друзья, что модным следую пошат.

Как видим, стилистическое подражание знаменитой «онегинской строфы» дошло до абсурда.

Вот пародистом сам Пушкин. Он пародирует Жуковского в IV песне «Славя Людина» и пародирует Бибико в «Гвариниале».

Замечательным пародистом был Достоевский.

В «Бедных людях» отрывок «Итальянские страсти» отрывок восхитительны Девушкин, представляет собой смешливую пародию на романтическую повесть. В «Селе Степанчикове», по мнению Ю. Тынянова, в отдельных местах пародируется Гоголь и его «Выбранные места из переписки с друзьями». Известно, что в «Бесах» в образе Степана Трофимовича пародируется Франковский, а в образе председателя Карназинова — Тургенев.

ПАРОДИЯ И ПАРОДИСТЫ

В подробных случаях пародия выстает как сатирическое оружие в литературной полемике.

Например, в 60-е годы прошлого века представители демократической литературы особенно часто пародировали как апологета теории «чистого искусства».

И пришел к тебе с приветом Рассказывать, что только стало, что по горным светом По листам затрепетало...

переделывался в злободневное, нарочито прозаическое:

И пришел к тебе в сумрачные Рассказывать, что только стало, что и жизнь влечу в мученье. Что година бед встала...

Разумеется, использовал пародию в своих целях и представители реакционного направления. Так, критик Буренин в свое время написал злую пародию на высмеянного поэта — «Десять художественного театра» —

сестер и ни одного жениха, символическая драма с настроением.

В другой пародии, подписанная П. П.-ский, высмеивался стиль чеховской прозы:

«Дача с птичкой. ...А потом все гуляли, и Сонечка, шедшая вперед, думала о том, что казни — грех, и убийство — грех, и сама она, такая тоненькая и белорукая, тоже — грех, и что Лаврентий плохо подражает Чехову. На шестьдесят».

Множество разнообразных пародий вызвало появление на литературном горизонте постер-символизма. Это был критиком и пародистом символизма был Вл. Соловьев. Поэт осмеивал бессмысленный набор слов, сочетание противоположных понятий в первых юренинских стихах В. Брюсова, а также «апоризм» ему сочинил такие стихи:

Горизонты вертикальные В шиколодях небесах, Был мечты полусферальные В лабиринтах лесеях. Призывай людей отшельнейшей В широком сумраке погас.

И стоит меня не слышаний Гвинтионий Петас. Мантраграфа имманентная, Запугивая в камнях, А первоначальнодегента Вирин — в вышних ушах.

По поводу стихотворений символистов другой пародист, А. Измайлов, насмешливо замечал:

«Мне кажется, что одно из близнецов будет сюжет пародии. Зачем пародия, когда современный автор пишет сам на себе пародию».

Между прочим, эти слова сказаны Измайловым по поводу «Незнайки» Влада Селы. Но пародия — это, конечно, но ни чем познательнее: новое в искусстве часто встречается именно в пародии.

Надо сказать, что пародия имеет двойное значение: как самостоятельный жанр и как жанр, например, пародии стихов Д. Минаева, А. Измайлова и как составная часть литературного произведения (таковы пародии Достоевского).

Во втором случае обычно пародия используется для создания иронического контраста. Например, в «Дневнике» Г. Плеханова — знаменитый романс на слова поэта Г. Глинкина:

Не слышно шуму городского. И больше нет городского. Гуляй, ребята, без вина!

Восторженно пародирует Пушкина Маяковский в поэме «Хорошо» — разговору тут же и разговору мадам Кусковой с «усатой няней П. Н. Милонихиной» и разговору с «замечательным» «Бить может» на брегах Невы. Иные подобные подделывали вы-

В. НИКОЛАЕВ

Под редакцией А. А. А. А.

Артисты Кополана

Агата КРИСТИ

— Ситуация, месье Пуаро, крайне щенотливая... Легкая улыбка тронула губы детektива. Он чуть было не ответил, что и нему приходится только в таких случаях, но промолчал.

Сэр Джордж Конвей, министр внутренних дел, продолжал говорить. Округлые фразы лились из его уст с необыкновенной легкостью. Тут был весь арсенал помпезного красноречия, обычного для государственного деятеля его ранга, начиная с утверждения о необходимости ирепитить солидарность всех членов правящей партии и кончая, конечно, заботой о благосостоянии народа. Все это звучало очень красиво, но ровно ничего не значило.

Пуаро чувствовал, как у него начинает сводить челости от поднимающейся зевоты. Подобное ощущение обычно возникало у него при чтении отчетов о парламентских прениях. Но тогда хотя бы он мог разрешить себе роскошь зевать сколько душе угодно. Здесь же вежливость заставляла его внимательно слушать...

Одновременно со слухом он испытывал известное сочувствие и своему собеседнику. Было очевидно, что сэр Джордж Конвей намеревался сообщить Пуаро нечто важное. Но столь же очевидным было и то, что он полностью утратил способность ясно и просто формулировать свои мысли. Сэр Джордж, как и многие его иллеги, был рабом казенного красноречия, согласно которому слова отнюдь не являются средством выражения мыслей. Как раз наоборот. Словами надо манипулировать так, чтобы ловко спрятанные фразы достаточно приятно звучали для уха слушателя, но при этом не раскрывали никаких мыслей. Так

Недавно один из сотрудников нашей редакции отправился в полджанки, на прием к врачу. Вернувшись оттуда, радостно потряс кийкой цветных фотографий. Так «Смена» приобрела нового, очень интересного автора, с которым мы вас сейчас познакомим.

Ольга Трофимовна Жукова — врач-хирург, кандидат медицинских наук и одновременно одна из первых у нас в стране аквалангисток, призер всеюсоюзных соревнований по подводному спорту.

Ольга ЖУКОВА

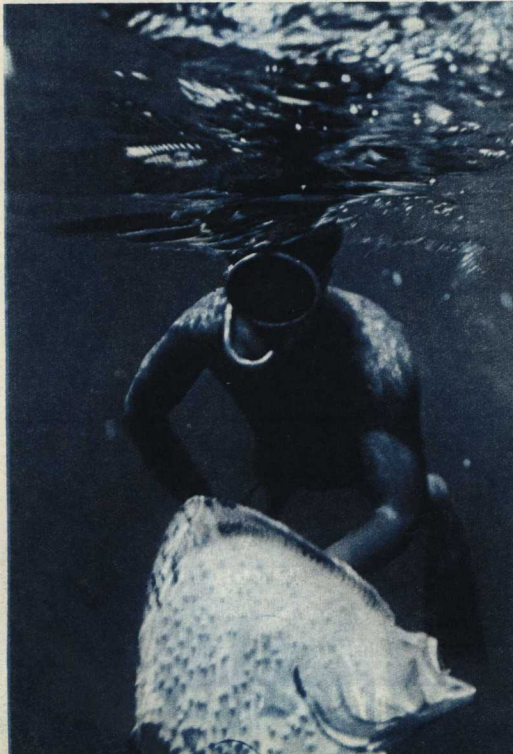
легка шевеля ластами, парю над песчаным дном, наслаждаюсь изумительным ощущением невесомости.

Тихшему подводного мира нарушают лишь ритмичное постукивание акваланга. Оглядываясь назад: множество хрустальных пузырьков с каждым выдохом вырываются из акваланга и медленно танцуют к поверхности.

Лучи солнца играют на протанутой руке, но тепла их не чувствуешь. Тут, под водой, много своих, неземных законов, недаром этот

свиновым посамм. Последние секунды перед стартом: капитаны команд еще раз сверяют курс по компасу, истерически выкрикивая и зациклившись на специальную подставку — стабилизатор. Ориентируясь по этим приборам, аквалангисты проплывают под водой 800 метров. Если путь будет пройден правильно, то на дне, в заданной точке, они найдут запасные акваланги. Тут же, на грунте, предстоит выполнить нелегкое задание: распилить металлический стержень, сколотить несколькими гвоздями доски, надуть буй и на нем поднять на поверхность сделанную работу. Задание из легких. Молоток и пила, потерявшие под водой вес, не слушаются в руках. Поднявшись наутра, вы увидите выжидательную воду леденит пальцам. А

ренортажиз

мир называют «нимым». Кожа от солнечных бликов кажется мраморной, а на глубине свыше десяти метров цвет ее становится непривычно синеватым, ногти и губы — темно-синими, совсем как у Аэлиты! На большой глубине все, что окрашено в желто-оранжевые тона, теряет свой цвет, и этому не сразу привыкаешь.

Цветную фотографию на большой глубине можно сделать только с помощью искусственного света, иначе все предметы окажутся синезелеными.

Под водой не видно привычной линии горизонта, и поэтому теряется всякая ориентировка. Двигаться можно в трех измерениях. Земного притяжения не ощущаешь, одинаково удобно идти и вниз и вверх головой. Если не видно дна и поверхности, можно плыть вниз головой в глубину и быть уверенным, что двигаешься вверх. Аквалангисты называют такое состояние «голубой завесой». Выручить при этом могут только пузырьки воздуха, которые всегда стремятся вверх.

Спортсмены и водолазы обычно прокладывают путь под водой по компасу. Задача большинства упражнений подводного спортивного многоборья — умение хорошо ориентироваться под водой, быстро менять направление, выполнять определенную работу, точно выходить на берег.

...Повиснув в глубине, с нетерпением ждешь, когда к контрольному бую подойдет первая команда аквалангистов. А в это время по сигналу судьи в море входят подводники. Спортсмены нагружены приборами и

минуты контрольного времени бегут очень быстро...

Море сегодня в виду совсем спокойное, но, погрузившись, сразу чувствуешь силу подводных течений. Мимо пронесится бело-голубые «мадуры». Сносит в сторону мелких рыбок. Спортсменам нужно быстро и точно определять поправку на снос, иначе отклонение от заданного курса неминуемо. Тут, впрочем, у них отлично плавать в акваланге, нужно хорошо знать математику. Недаром ведь среди любителей подводного спорта много инженеров и техников.

А вот и первая черточка! Эти парни точно сорентировались и отыскали контрольный буй в заданное время...

Закончился день, о котором я вам рассказывал, большим праздником — Алуштинском клубе подводного спорта. На флагштоке строгая белоколомной выгла, расположенной на живописном обрыве у самого моря, взвился флаг. Здесь совершаются свои навыки мастера подводного спорта, любители подводной охоты, подводного кино и фото.

Сейчас спортсмены-подводники готовятся к предстоящим всеюсоюзным и международным соревнованиям. В сентябре они приедут в Алушту своих коллег из Польши, Болгарии, ГДР, Чехословакии и других стран, чтобы в шестой раз померяться силами в подводном многоборье.

Напомним, что в пяти предыдущих состязаниях советская сборная была победительницей.

ДНОГО МИРА

Военный фрегат «Семинолы» должен покинуть гавань и взять курс к берегам Доминиканской Республики. На его борту — личный представитель президента Соединенных Штатов генерал Оравил Бэбкок. Все готово к отплытию.

— Капитан, распорядитесь, вам пакет. Фрегат секретно. Вскрыть в море!

Инструкция, полученная капитаном фрегата, гласит: «Вы пробудите в заливе Самана у берегов Санто-Доминго до тех пор, пока там находится генерал Бэбкок, и своими пушками окажете ему моральную поддержку».

Кончался 1869 год. Личный представитель президента Соединенных Штатов прибыл в Санто-Доминго с текстом договора об эмиссии Доминиканской Республики Соединенными Штатами. Предполагалось, расклевывая доминиканское правительство, построить базу для военно-морского флота США в заливе Самана, эксплуатацию ресурсов страны передать американской фирме «Санто-Доминго компани».

Плата за все — 1 миллион долларов.

Эпилог

Этот парус в каюте, кружащийся, словно вор, вдоль стеньги — солдат 2-й дивизии корпуса морской пехоты США. Жив ли он, улыбается ли — не знаем. В мае 1965 года его высадили на берег чуждой страны, назвали в бою. И он выполняет приказ — этому его учили. Он не один, таких в Доминиканской Республике много, около тридцати тысяч.

Солдат с пистолетом в руке ли задумывается над тем, почему от его пули должны погибать люди, которых он не знает, которые не принесут ему никакого вреда. Он стреляет, спит, ест, стреляет. За это думают генералы. Они знают, зачем на доминиканский залив высадился 2-я дивизия морской пехоты и 87-я воздушно-десантная дивизия армии США.

Между прологом и эпилогом почти сто лет.

В 1869 году капитан фрегата «Семинолы» собравший приказ пушками помочь захвату Санто-Доминго. В мае 1965 года командиры полков морской пехоты повинуясь приказу танкама и автовластям помогли солдатам антинародной проамериканской революции.

Между прологом и эпилогом трагедия.

1866 год. Президент Соединенных Штатов Джозеф «Последовательная национальная политика должна означать, по-видимому, приобретение и включение в федеральный союз некоторых континентальных и островных прилегающих территорий там, где, нам это может быть сделано».

1869 год. На доминиканской сцене необычные персонажи: американские делегаты, генерал Уильям Каэваня и полковник Джозеф Фабенис, основатели фирмы «Санто-Доминго компани», добычливые спекулянты земель. Через своих доверенных в Вашингтоне Каэваня и Фабенис проталкивают в высших кругах идею о присоединении к Соединенным Штатам Доминиканской Республики. Перспектива — отличный климат, дешевая рабочая сила, сахарный тростник, угольная база для флота США. Идеи нравятся в Вашингтоне, тем более что очередной доминиканский президент готов на все ради долларов. В море выходит фрегат «Семинолы». Но договор, подписанный под дулами моральных пушек, не ратифицирован в конгрессе США: слишком очевидна торговая выгода интерес «Санто-Доминго компани». Доминиканский президент — индейский герб, флаг и гимн, отборная экономика и политическая самостоятельность.

Страна захлебывалась в долгах. В марте 1903 года Президент США Теодор Рузвельт: «Эти несчастные республици вызывают у меня большое сострадание. Я считаю, думаю, что выходя явится лишь какой-либо вид протектората Южной и Центральной Америки».

1905 год. Протокол о передаче в ведение США всех таможень Доминиканской Республики. Американские финансовые агенты должны 55 процентов поступлений передавать США в счет оплаты долгов и только 45 процентов — правительству Доминиканской Республики. Сентябрь 1905 года. Президент Теодор Рузвельт в письме секретарю по морским делам: «Что нас касается вопроса о Санто-Доминго, то предпочтете адмиралу Бельфорду помешать любой революции».

1916 год. Очередной предлог страны проявил упертость, совершенно не характерные для доминиканских президентом он отказался подписать договор с США (условия линии — таможня и контроль над портами). США армия во главе с американскими офицерами, главный финансовый советник — американец. В ход пошла морская пехота. Капитан Кизлит и его «ребята» оккупировали страну. В стране введено военное положение, назначено военное правительство из американских офицеров. Вот тогда и появился знаменитый приказ № 12:

«Впредь до нового расширения в республике Санто-Доминго никаких выборов происходить не будет. Подпись капитана Кизлит, дата: 1916 год. Печать Соединенных Штатов Америки».

Приказ капитана морской пехоты США по-военному краток. За этой строчкой — долгий путь от 1916 по 1924-й — военной оккупации Доминиканской Республики. Приказ № 12 отменили, но власть доллара осталась.

В сентябре 1924 года американская морская пехота покинула страну. Но остался американский финансовый агент, по-прежнему собиравший денежные суммы. Осталась американские компании, делавшие сахарный тростник. Осталась армия, выслетанная индей. Морская пехота ушла, приказ № 12 отменили, но власть доллара осталась.

В 10 часов вечера 30 мая 1961 год на пустынном шоссе и западу от Санто-Доминго два грузинана обогнали друг друга с пятной звездой на капоте. Люди, сидевшие в одном из грузовиков, дали автоматную очередь, пробили снаряды вперед и остановили грузовик на обочине, бросились к грузовику.

Из него вышли двое. Шофер заны выключил дальний свет. Два солдата — отрядчик и мишень. Люди с грузовиков напали на слуги автомата Шофер и пассажир ушли. В темноте слышала потом насчитали 27 пуль. Это был диктатор Доминиканской Республики генералиссимус Рафаэль-Леонас Трухильо.

Доминиканская Республика — краткая история, устроено со временем. Она стала весьма успешно сотрудничать с Трухильо, стоило переименовать в Санто-Доминго в «Сьюдад Трухильо (город Трухильо)». Правительствоми диктаторы подписывались следующие образом: «Дано в Сьюдад Трухильо 14 июня 1947 года. 104 год независимости, 84 год восстановления республици, 13 год арми Трухильо». У диктатора был титул «благодетель родине и звание генералиссимуса». На его плечах красовались пять звезд, и пять звезд чистого золота были на капоте его джипа. Недалеко от столицы все доминиканцы были обязаны носить шляпы, принимать их и носить с собой. У каждого по два диктатора.

По всей стране можно было увидеть его скульптуры, статуи, портреты на улицах, площадях и в учреждении — было 1800 его бюстов. Перечислять обязанности диктатора. На автобиографии не изменил. Он считал себя «Эпоха Трухильо». По названию городов горели немыслимые надписи «Соружению общества в столице общественной уборной в села таблички: «Соружению благодетель и спасителем генералиссимусом Трухильо». Над приотом для престолов надписи: «Трухильо — единственный, кто нам дал жизнь». Платил в миллиарды: «Только Трухильо не вывел». На учебных школах вводил: «Трухильо — единственный».

Четыре тайные организации — служба военной разведки, служба безопасности, тайная полиция, спецслужба охраны порядка при президенте. Служба охраны — наемная швейцарская охрана. С иннаомиссиями распределения бесперебойно. Убытки страны принадлежат чудовищным воровским преступлениям Трухильо за большие деньги пригласил на службу специалистов — пометам, за три десятилетия убито около 100 тысяч человек.

Он был не только «благодетель родине и ее великий защитник», но и самым крупным предпринимателем и землевладельцем несчастной страны. Генералиссимус Трухильо — 35 процентов всей обрабатываемой земли, 65 процентов заводов, он имел контрольные пакеты в 60 главных компаниях страны. Его состояние оценивалось в 800 миллионов долларов.

Об этом чудовище американский сенатор Эллиендер любовно написал: «Я не был бы удивлен, если бы в Южной и Центральной Америке были такие трухильоны».

В американском бизнесе были основания считать Трухильо самым большим и самым жестоким. Там где не было права железной рукой на дел своего государства. Там где существовал монополия. В 550 миллионов долларов оцениваются капиталовложениями

американских компаний в Доминиканской Республике. «Сакрал» фирма «Сауз Пуэрто-Рико шугар компани», алюминевая «АЙКО», банк «Ферст найше сити бан» делал чепуховой бизнес на сахаре и фокситах, игровых доках и нефти.

Как помыслил после этого выстрела на пустынном шоссе и западу от Санто-Доминго в 10 часов вечера 30 мая 1961 года?

Трухильо — дивагог и убийца, самый лучший и наивысшим степеням североамериканского бизнеса — стал настолько ненавистным фигурировал для доминиканского народа и для всей Латинской Америки, что этого уже не могли не заметить даже его покровители. Они боялись взрыва в вотчине Трухильо.

После победы революции на Кубе брожение охватило не только острова Карибского моря. В Вашингтоне люди, окружающие президента Кеннеди, лихорадочно готовили программу «либерализации Латинской Америки». Трухильо не годился в «либералы». Его решили убрать. В конце 1960 года носуса США в Доминиканской Республике Генри Дирборн и сотрудник посольства Джон Барбидо установили контакт с группой доминиканцев, среди которых были: адвокат и журналист-американец банковских компаний Луис Аманам и губернатор провинции Пуэрто-Рикато Антонио Имберт. Самым близким американцем Луисом Берри, владельцем заводов в Санто-Доминго. Он передавал заговорщики в Санто-Доминго. В тот вечер, 30 мая, Имберт вел один из двух друзей.

■ Три генерала с автоматами системы «Топган», с пистолетами, с пистолетами 45-го калибра в руках пришли в кабинет президента. Солдаты и офицеры встали у дверей. Из кабинета генералы позволили нескольким знакомым политическим деятелям:

— Президент свергнут. Не хотите ли стать министром?

Три генерала: Элиас Вессини и Вессини, начальник учебного центра доминиканской армии, и два уже знаковых человека — Антонио Имберт и Луис Аманам. На столе президента календарь был открыт на листе 23 сентября 1963 года. Выше этого президента звали Хуан Бош.

Тридцать лет спустя Трухильо Бош провел в изгнании. Он писатель, журналист, политический деятель, член публичной по инициативе Латинской Америки. Когда свергли Трухильо, знаменитый стал возвращаться на родину, приехал домой и Бош. На первом этапе после свержения Трухильо в Веракрузе в декабре 1962 года Хуан Бош, литератор, человека честного, либерального интеллигента, избрал президентом страны. Для многих людей президентом слава, сказал Бош после избрания, для меня это кандалы на четыре года. Три генерала помогли свергнуть Бошу от кандалов много раньше — спустя семь месяцев после вступления на пост президента.

Бошу досталось трудное наследство — в 1960 году — 137 долларов. 56 процентов доминиканцев — крестьяне. Две трети населения, 10 процентов — собственники земельного населения Латинской Америки — 550 миллионов человек. Прибыль в том же слове Трухильо, засевших в государственные банки, в зарплатных, зарплатных диктаторов, не желавших делиться со своими привилегиями.

К Бошу в тот момент приглядывалась местная реакция. Но его поддержка в Кеннеди. Кеннеди делал на него ставку, рассчитывал, что Бош создаст страну, которую Бош не превратит в революционную Кубу.

Восставший Санто-Доминго.

Новый президент соратник малоизвестно высокопоставленным государственным чиновником. Себе — президенту — с пяти тысяч песо до полугоро, министрам — с двух тысяч до тысячи, Соратники малоизвестно всем, кто получал самые пятисот песо. Встретили это чиновники жмуго. Дальше шли вещи, которые переплюснули аду похоронен. Президент установил контроль над ценами на сахар: сахарозаменители (в основном американская фирма «Сауз Пуэрто-Рико шугар компани») получали лишь половину прибыли, остальные доллары должны были поступать в казну. И еще один соратник для этой же компании: впервые за многие годы забастовки рабочих, требовавших повышения зарплаты, увенчался успехом: ее подделал президент. Пришлось проглотить горючую пилюлю и ронфлероской «Стандард ойл». Бош решил отказаться от предоставления этой компании права на строительство нефтеперерабатывающего завода в Доминиканской Республике. Наконец, он принял решение начать расследование преступлений, совершенных при режиме Трухильо, и наказать виновных. Кроме того, Бош — и это совершенно вышло из себя правые силы страны — не предпринимал репрессивных мер против левых групп. В американских газетах появились подстрочные статьи. Боша называли «носимым и упрямым человеком, который не хочет прислушиваться к советам».

9 сентября 1963 года генерал Имберт написал Бошу и представил ему документ на трех языках (испанском, называемом заговором «красных») — и просил президента санкционировать действия против левых сил. Бош отказался, сказав, что он не будет насильственно диктатуру в стране. В свою очередь, Бош потребовал отставки Бессина-Вессина, одного из руководителей армии, наиболее враждебно относившегося к президенту. Судьба Боша была решена. Поддержка соратников Кеннеди мало что значила

для доминиканских правых и их покровителей в США. 23 сентября Бош был свергнут.

■ «Мы не намерены сидеть сложа руки в наших кризисах-началках, представили коммунистам создавать правительство где бы то ни было в нашей полушарии». За этими словами президента Диксона — военная интервенция американской пехоты в Доминиканской Республике, война против народа маленькой страны, пушки, пришедшие на помощь долларам магнатам и кровавым маршалам.

Сто лет назад одиознейшим нынешнего президента США и том же предидеи говорил о необходимости колонизации прилегающих к США территорий. В наши дни президент США предлагает, по существу, то же решение, отказывая латиноамериканским народам в праве на свободное, самостоятельное развитие, самоопределение и суверенитет.

В 1969 году Вашингтон за миллион долларов хотел аннексировать Доминиканскую Республику. В начале XX века его финансовые агенты хозяйничали в таможенных Доминиканской Республике, как в своем доме. В 1916—1924 года офицеры морской пехоты, не зная ни слова по-испански, были министрами доминиканского правительства. Тридцать лет надолго слушай Вашингтону унизительный палач Трухильо. Либеральный эксперимент Боша чуть-чуть затронул чувствительные нервы американского бизнеса, и военный переворот повсюду логично с экспериментатором. Испытанная практика застенков и командантского часа приносила не менее фразам договорных проемов: это больше устраивало немечей мешок.

Ария, ВВС, оловя, плащения, назалось, гарантировали проценты с на-

питалов. В 1964 году бюджет полиции был увеличен в два раза по сравнению с 1963 годом и был равен бюджетам армии, авиации и флота, вместе взятым.

И все-таки то, чего латинские боялись в монорах американских фирм, произошло.

24 апреля 1965 года молодые офицеры, сторонники свергнутого президента Боша, подняли восстание против проамериканского режима Вессина-Вессина, Имберта и Аманамы. Их поддержал народ, и дело шло к развалу у людей Вашингтона не оказавшись опоры. Тогда в 5 часов 16 минут в среду, 28 апреля, из американского посольства в Санто-Доминго пришла в Великий дом телеграмма: «Необходимо немедленно выслать войска».

Войска прибыли. В начале мая на аэродроме военно-воздушной базы в Сан-Исидро, неподалеку от доминиканской столицы, наладили пять минут приземлялся транспортный самолет. Через десять дней численность американских войск, высланных в Доминиканской Республике, достигла 21 800 человек, а затем — свыше 30 тысяч.

Войска прибыли. Улицные бои на улицах доминиканской столицы. Город, где каждый дом — крепость, пулеметные гнезда на чердаках, баррикады на переулках. Впервые за сто последних лет Доминиканской Республики народное выступление против империализма линии приобрело такой размах, такую омоничность. И в этом залог оптимистического окончания доминиканской трагедии.

Совсем не случайно бывший президент Бош сказал в мае этого года: «Я опасался, как бы коммунистические революции не произошли в Латинской Америке в 1975 году, но теперь я опасался, как бы нынешняя политика США не вывала эти революции гораздо быстрее».

Б. ЯРОШЕВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК ИЛИ НЕЧЕЛОВЕК НЕРАВНОСТЬ

— Нам нечего скрывать! — эти слова принадлежат Роберту Шелтону, имперскому магу ку-клукс-клана — тайного ордена линчевателей и убийц. Ку-клукс-клан сил маску. Люди в белых балахонах с остроносыми колпаками на головах маршируют по улицам южных городов под восторженные вопли своих поклонников. Им нечего скрывать. Свои взгляды они охотно вылагают корреспондентам крупнейших газет и журналов, их горящие кресты мелькают на обложках богатых иллюстрированных изданий и на экранах телевизоров. Они сеют террор и смерть, пытаясь запугать борцов за гражданские права негров, и уходят безнаказанными.

В этом году на всеамериканский расистский шабаш съезятся главари ку-клукс-клана — маги, драконы, шаманы, гадры и «фурчи» — чтобы отпраздновать столетие со дня рождения своего кровавого ордена. Что принесут эти жрецы расизма на свои юбилей? Какими «славными» делами похвалятся!

Убийства, поджоги, взрывы домов и негритских церквей, насилие, произвол, шантаж — кажется нет ни одной статьи в американском уголовном кодексе, по которой нельзя обвинить этих грязных выродков в преступлении против закона и человечности. И тем не менее их оправдывают. И они уходят победителями, посмеиваясь над слезами тех, кого они лишили крова, мумий, отца или дочери!

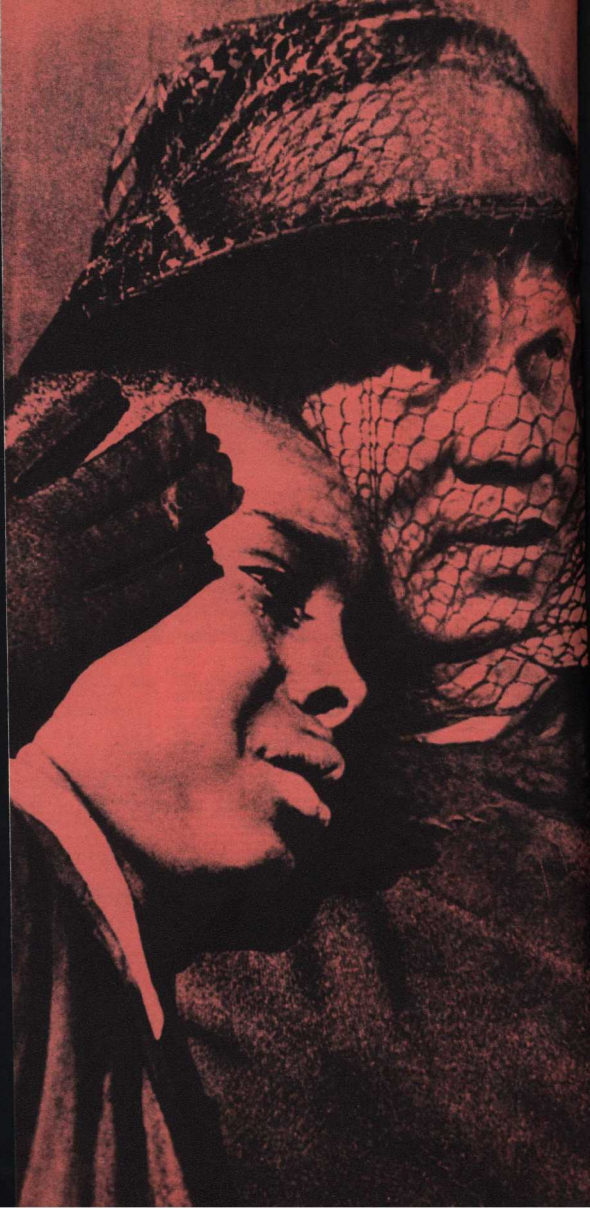
«Мне достаточно пяти ку-клукс-клановцев для того, чтобы занять любой небольшой город в Штатах», — говорит Калвин Крегг, великий дракон штата Джорджия. — Это уже армия. Ее боится и уважают. Таким образом, я могу контролировать политическую жизнь городов».

Крегг знает, что говорит. Начиная с 1930 года ку-клукс-клан, захиревший было после депрессии тридцатых годов, постепенно набирал силу и превратился сейчас в достаточно мощную политическую группировку. Его «маги» и «драконы» диктуют свою волю губернаторам, мэрам, судьям и полиции. Что ни день, у горящих крестов собирается расистское воинство на свои шабашки. Из штата в штат развозят проповедники идеи «белого превосходства», отравляя сознание американцев гнусной расистской пропагандой.

«Я не понимаю, как могут белые думать, что негры с ними равны», — витствует один из главарей клана, Джонис Венсбл. — Без ку-клукс-клана мы уже давно были бы пятнистыми, как пантеры, или какого-нибудь другого цвета».

Когда придет время — ораторствует другой «рыцарь», Уоррен Фолкс из Джексонавиля — мы нагрузим вагоны трупами негров. Пусть не забываются! Мы не ненавидим негров; мы их любим на своем месте; пусть они чистят ботинки, подметают улицы, собирают хлопок и так далее».

У НЕГО УБИЛИ БРАТА, У НЕЕ — СЫНА
ИМЯ ПРЕСТУПНИКА — КУ-КЛУКС-КЛАН.

Сто лет — большой срок. Изменился ли клан? В каком-то смысле да. Теперь кресты нередко зажигаются не с помощью факелов, а с помощью электричества, ритуальные пляски вокруг горящего креста совершаются на клановских сборищах под аккомпанемент проигрывателя или магнитофона, а «маги» и «драконы» ездоскажут со специально оборудованных платформ с громкоговорителями. Но так же, как и сто лет назад, клан держится на страхе: стране, рискующей лишиться международных привилегий, лишиться возможности властвовать над неграми. Под горящими крестами даже самые последние подонки чувствуют себя суперменами: ведь им «богом велено» безжалостно бесчинствовать, зверствовать, убивать и грабить! На этом ловко играют Главарь ку-клукс-клана.

В ответ на требование миллионов американцев положить конец сегрегации, в ответ на великий поход за гражданские права негров, затеявший всю Америку, ку-клукс-клан объявил свои собственные крестовый поход за «спасение белой расы от негров и коммуни-

С ДЕТСТВА
ИХ ПРИУЧАЮТ
К ГОРЯЩИМ
КРЕСТАМ
НЕНАВИСТИ.

стов, поход насилия и террора. Через сто лет клановый орден погромильщikov и убийц сбросил маску. Убийцы претендуют на официальный статус «спасителей нации».

Параллели напрашиваются сами собой. С благословения высокопоставленных лиц в Вашингтоне ку-клукс-клановская доктрина насилия и террора возведена в ранг национальной политики Соединенных Штатов. Взрывы американских бомб во Вьетнаме и взрывы церквей в Алабаме, пуленосные очереди, жаркие полетинцев в Доминиканской Республике и выстрелы расистов в Селме сливаются воедино.

ОДИН ИЗ
ПРОПОВЕДНИКОВ
БРЕДОВЫХ
ИДЕЙ КЛАНА —
«ВЕЛИКИЙ ДРАКОН» —
РОБЕРТ
СКОГГИНС.

КАЖЕТСЯ, ЧТО ОНА
РОВЕСНИЦА
КУ-КЛУКС-КЛАНА.

ВЗРЫВ КУ-КЛУКС-КЛАНОВСКОЙ
БОМБЫ ЛИШИЛ
КРОВА СЕМЬЮ НЕГРА
Т. КРОУЭЛЛА ИЗ БИРМИНГЕМА,
ШТАТ АЛАБАМА,
ГУБЕРНАТОР
АЛАБАМЫ УОЛЛЕС
[С БЕЛЫМ ПЛАТОЧКОМ
В КАРМАНЕ] СПОКОЕН.
УЖ ОН-ТО СВОИХ
ДРУЗЕЙ-РАСИСТОВ НЕ ВЫДАСТ.

«ИМПЕРСКИЙ МАГ» —
РОБЕРТ ШЕЛТОН —
ГЛАВАРЬ
ОРДЕНА
ЛИНЧЕВАТЕЛЕЙ.

Бывает, что творческая жизнь литератора начинается с неудачи. Так случилось и с Марком Захаровым. Когда несколько лет назад «Крокодил» проводил конкурс на короткий рассказ, а нем приняла участие и М. Захаров. Строго жюри отвергло его рассказ. Но первая проба пера, несомненно, свидетельствовала о талантливости автора. Его позвали в редакцию, поговорили добрым словом и советом, и он стал писать.

М. Захаров подвизается в жанре короткого рассказа. Неизвестно, почему он избрал этот жанр. Может быть, потому, что не является профессиональным литератором, работает режиссером Московского театра сатиры и пишет урывками. Но, во всяком случае, ему удалось только посочувствовать, ибо жанр короткого юмористического рассказа, пожалуй, самый трудный.

Короткий рассказ не повесть, не роман. Вот как это бывает. Написал человек несколько вводных фраз, а ему пора думать о кульминации. Как-как справился с кульминацией, нужно уже придумывать развязку. Только человек расписался, а ему уже говорят: закрутайся! Не жажар, а какое-то прокрустово ложе. Тут совершенно нетре развешивать, нетре проявить свою эпическую мощь...

К чести М. Захарова надо отметить, он неплохо действует даже на этой весьма ограниченной рабочей площадке. Об этом свидетельствует тот факт, что он печатается не только в «Крокодиле», а и в «Огоньке», «Неделе», «Юности». А теперь еще дебютирует в «Смене».

Мне хочется от души пожелать ему дальнейших успехов как на театральном поприще, так и в юморе — искусство любимое и очень нужное народу.

М. СЕМЕНОВ,
главный редактор «Крокодила»

Марк ЗАХАРОВ

Рисунок В. БЛАНКМАНА

НОВАЯ

Проработав два недели на новом месте, я явился в кабинет к своему другу.

— Я чувствую, что ты у нас уже освоился, — сказал мне мой друг, — расковно предлагаю есть... Как говоришь, сработался с коллективом.

— Конечно, — подтвердил я мысль друга — Так сработался, что уже сам за себя не отвечаю.

— То есть как это не отвечаешь? — удивился друг.

— Очень просто, — объяснил я

ему, — Теперь уже за все коллектив отвечаю. Теперь в случае чего — на него все шикши. Кстати, на тебя лично в первую очередь».

По его лицу пробежала едва заметная судорога.

— За что же в меня шикшами!

— Видишь ли, — я подошел к нему ближе, — во-первых, ты мой ближний коллега. Старший товарищ. Во-вторых, ты профгор. Случись что — отвечать будет весь коллектив и ты в первую очередь.

— Прости, пожалуйста, — изосторожился друг, — а что, собственно, можешь ты об этом сказать!

— Ступай же тебя знать! — усмехнулся я, — если ты за все время даже не удостоился ко мне в душу заглянуть! В личной жизни моей не участвовал... Даже не знаешь, что у меня на уме!..

— Слушай, дорогой мой, скани мне, пожалуйста, — не на шутку встревожился друг, — а что, собственно, у тебя такое на уме!

— Ага! Теперь уже поздно! — злоевищим тоном сказал я другу, — я меня на уме сейчас такое... такое. Еще не решил, каное!.. Сейчас как раз прикидываю. Наверное, с женой разведусь. Вот!

— Как же ты с ней разведешься, если ты еще не женат! — удивился друг.

— Разве! — в свою очередь, удивился я, — Ну, так и женюсь. — Женись, чтобы развестись!

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА СМЕНИ

ТРЕТИЙ ТУР: ВИКТОРИНА

В третьем, заключительном, туре нашей шахматной олимпиады мы предлагаем шахматистам на доску вопросы. За правильный, исчерпывающий ответ на каждый вопрос участнику олимпиады засчитывается два балла.

за, за неполный — один балл. Читатели, набравшие наибольшее количество баллов из 20 возможных, будут включены в группу победителей третьего тура и отмечены дипломами.

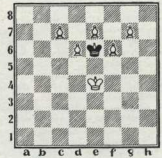
Срок отправления писем на завершающий разрез олимпиады — 1 сентября 1965 года.

1. Когда была проведен первый «турнир наций»? Шахматисты какой страны стали первыми обладателями золотого кубка командного чемпионата мира?

2. Назовите замечательного русского поэта, который в одном из своих произведений написал:

«Одной рукой ой в шахматы играет, другой рукой народы поиморет...»

Что это за произведение, и кому оно было посвящено?

3. Эту оригинальную задачу, в которой белые начинают и дают мат в три хода, электронная машина решила после 12-минутного «раздумывания». Попробуйте постараться с машиной в «оперативности».

4. Назовите имя шахматного мастера и его жингу, которую он преподнес маленькому русскому погу с дарственной надписью: «Александр Сергеевич Пушкину в знак негнвного уважения».

5. Кто из шахматистов и с каким результатом завоевал на турнире в Барселоне звание чемпиона мира среди юношей 1965 года?

6. Попробуйте проанализировать и выявить правильный ответ на задачу греходовку английского шахматного композитора Ф. Хили, удостоившего первого приза Бристольского конкурса 1861 года. В чем заключается открытая Ф. Хили «бристольская тема»?

7. Перед вами две любовные позиции. В обеих очередь хода за белыми. Как, по вашему мнению, долив закончиться борьба между наилучшими действиями обеих сторон?

ЖАР-ПТИЦА

— А что мне теперь остается делать? — крикнул, попросил друг.— Прогладишь меня, дорого товарищ, прошьешь! Какого парня прогладишь! Разложился парень! Деградировал. А почему! — напрямки спроси я друга.— Потому что колхозная табушка! Слабо на меня воздействовал! А почему слабо! Потому что профторг только глазами хлопал! А кто у нас профторг! Ты профторг. Вот на тебя все шипит и лезет! — ответил Папай.

— Дово! — прошептал друг, вытирая со лба холодный пот.— Слушай, я тебя очень прошу, поможешь, будь другом, не раскидывайся в нашем коллективе!

— Нет, уже решил, разложился,— объяснил я.— С таким скандалом разведусь.— Ты фантоматона хвасти.

— Я тебе умоляю как профторг: не мешай.— крикнул, попросил друг.— То есть женись! Сильно хочешь женись, только не разводи! — Понятно! — обрадовался я.— Сколько хочешь женись и при этом каждый раз не разводись!

Друг подпрыгнул на месте и замалывал руками.

— Что ты! Ты меня не так попили! — закричал он что есть сил.— Просто я хотел сказать; ну, займись чем-нибудь другим! Что тебе стои! Например, спортом! А! Прекрасная мысль! Мы тебе во всем пойдём навстречу! Хочешь, я отдаю тебе свой абонемент в бассейн!.

Через минуту я стал обладателем его абонемена.

— Ладно,— сказал я туживо дышащему другу.— Разводишься не буди!

— Большое тебе спасибо,— прошептал он.— От имени дирекции.— Очень тебе благодарен.— Разводишься не буди,— подтвердил я свое решение.— Лучше заплюй! — Чо!

— То, что слышишь,— сказал я намерзшему другу.— Со мной, говорю, со всеми вытекающими отсюда последствиями!

— Ты с ума сошел! Зачем это тебе нужно!

— Мало ли зачем! — ответил я улыбаясь.— Например, чтобы потом

говорить обо мне: какой талантливый был, жаль, спился. А то, знаешь, как у нас: будешь всегда трезвым ходить — могут и не заметить! — Что за глупые шутки! — крикнул друг, загусив нижнюю губу.

— Ничего это не шутки,— спокойно объяснил я.— Вот, специально деньги со сберкинского сч.ля. Видишь! Завтра утром приступают. Три литра в день. Уме все родственников предупредить. Сейчас плачу. Завтра с утра боюсь тебе знакомить: дескать, куда общественность сморит!

— Не говори глупостей,— жалостным голосом попросил друг.— Я тебе умоляю: выбрось эти мысли. Мы тебе за это шириную пуговицу организуем. Хочешь! Восемьдесят дней вокруг Европы за счет профсоюз!

— Вокруг Европы! — заинтересовался я.

— Именно, вокруг... — Удоби! — честно признался я.— Сделаем два круга,— поощал друг,— туда и обратно... и вообще я не понимаю, чего тебе не хватает!

— Ну, во-первых, колески от мотоцикла,— честно признался я.

— Ладно! — сказал друг, туживо вздохнув.— Сделаем тебе колеску.

— А зачем мне колеска без мотоцикла!

— Хорошо, сделаем тебе и мотоцикл!

— А зачем мне мотоцикл без гаража!

— Хорошо,— простонал друг,— соберем тебе деньги на гараж.

— А зачем мне гараж без хорошей трехкомнатной квартиры!

Через некоторое время я оказался у него на спине, а затем на его шее.

— Тебе удоби! — вежливо понтересовался друг.

— Удоби! — честно признался я.— Но жаль, что ты одинмешный.

— Это ничего,— успокоил он меня.— Ко мне можно приделает баганкин.

— Тогда все в порядке! — обрадовался Будем с женой ездить на тебе за город!

...Когда я рассказывал эту историю моим знакомым, они, как правило, смеются. Странные люди! Можете подумать, что на них назлы не ездят!

Я поймал жар-птицу. За хвост. — Мы всегда верили в твой талант,— сказали мне знакомые птицеводы,— но такого, признаться, даже от тебя не ожидали!

Я вежливо улыбнулся, посадил жар-птицу в клетку, обмотал ручку мюльвиной лентой и понес ее на приемный пункт.

— Хорошая птичка! — сказали мне на приемном пункте.— Но велика. Комплекция нестандартная и расцветка непривычная. Могу кое в чем упренуть. Назовите-ка лучше воробья. Можем принять в неограниченном количестве. Тара пока имеется, и средства за них отпущены.

Я молча забрал клетку и отправился на птицеферму.

— Несется! — спросил дежурный птицевод, старательно оцупывая заднюю часть жар-птицы.

— Не знаю,— ответил я.

— Может быть, кукарекает!

— Вряд ли...

— Ну хоть кукаречет!

— Нет,— сказал я.— Она не кукарекает! Она жар-птица!

— Из-за одной жар-птицы ломать сложившийся порядок не хочется,— подумав, сказал птицевод, и я почувствовал, как почва уходит из-под моих ног.

— Не расстраивайтесь! — успокоили меня в другом месте.— Мы вам поможем. Давайте выйдем ей хвост, подкормим бока и научим стучать носом по дереву. Нам нужен сейчас здоровый дилет.

— Спасибо,— грустно поблагодарил я изобретателей и добрых людей.— Очень хорошая мысль!

Я раскрыл клетку, осторожно вытащил оттуда жар-птицу и выпустил ее в небо.

Правда, предварительно я вытяти у нее из хвоста одно перышко на память. Очень скоро ее поймали другие. Им наверняка повезет больше, чем мне. Тогда, возможно, я смогу предать перышко и доказать свой приоритет.

В. С. нашим счетом закончился в 1880—1881 году матч по телеграфу между первым чемпионом мира В. Стейнцем и крупнейшим шахматистом России М. И. Чигориным!

В. Капов дена созданной в 1924 году международной шахматной федерации — ФИДЕ,— в которую в 1947 году вошел и советский шахматист!

10. Кто из выдающихся русских писателей был в январе 1904 года одним из организаторов шахматного клуба в Петербурге? Какова судьба этого клуба?

Редакция напоминает читателям просьбу жюри — указывать на конверте: «на шахматную олимпиаду».

ПОБЕДИТЕЛИ ПЕРВОГО ТУРА

Жюри нашей восьмой шахматной олимпиады поделило итоги первого тура. Старт олимпиады пришло более 3 600 участников. Превалили, наиболее полные решения всех шести композиций прислали 246 участников олимпиады. Среди победителей первого тура: Нина Переломова, лаборант из Уральска, Надежда Сидорова, преподавательница из Вятки, Вартан Агансели, врач из Леселиде, Тумат Сарбенович, учитель из Целинграда, Иосиф Хазанов, студент

из Горького, Донбасс Петренко, шахтер из Донбасса Пиню, шахтер из Томска, студент из Герефорда (Англия), Людек Ковал, техник из Брно (Чехословакия), Эстер и Наум Арновичи, супруги из Израиля, Любен Цанов и Емма Шелер, студенты из Болгарии, а другие любители шахматных игр.

Всем победителям первого тура будут высланы специальные дипломы.

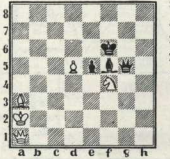
РЕШЕНИЯ

(Даются в сокращенном виде)

- 1-я задача: 1. Фал1 Кр6 г8 2. Ф: а8 х; 1. С: г8 2. Рр: ф8 х.
- 2-я задача: 1. Ф8f1 Кр6 2. Ф8d2 Л: д6 2. Л: е5 х; 1. С: d4 2. КВ4х.
- 3-я задача: 1. С8f1 С6 2. З45 Кр: d6 3. Ф8 х1 С: 1. С: d6 2. Ф8f1 Кр6 3. Ф: а5 х; 1. С: f3 2. Ф: е4 3. Л: а4 х.
- 4-я задача: 1. Ф7d1 Кр: е4 2. С: г2+ Кр3 3. Лг3+

- Крe2 4. Ф7d2 Крd3 5. Сd1+ Кр: Л2 6. Ф7d2+ Кр: d1 7. Лг1+ Кf1 8. Л: f1 х.
- 1-й этюд: 1. К6f1 Ф4d+ 2. Ф4d2 Л: d6 2. Л: е5 х; 1. Крf1 г6 5. Кр1 г5 6. Кр2 г4 7. Кр3 Ф2 8. Лb3+, и белые выигрывают.
- 2-й этюд: 1. Кe4! Ф: h2 2. Лg5+ Крf3 3. Лf5+ Крe4 4. Лb3! Ф2 5. Лb5! Ф2 6. Лb3+ с ничьей.

Вагляин и реши

На первый взгляд усложне «мат в один ход» показается невыполнимым. Но, поймав голову, вы найдете «экзотическую» этой оригинальной задаче.

Под редакцией мастера В. ЛОБЛИНСКОГО

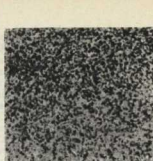
ЗАДАЧА-ПАМОЛЕТ

Предлагает читателям остроумную задачу русского шахматного композитора И. Шуми ев «Война Англии с Зубу» (1879 год).

Велые фигуры символизируют собой завоевательн-англичане, черные — африканцы. Само усложне задачи — черные начинают и даюг мат в три хода — говорит о том, на чьей стороне симпатии автора.

КАК ОДЕВАТЬСЯ ЛЕТОМ

Лето встречает нас теплом, яркими красками, запахом моря, цветов и лесных трав, радостью солнца и отпусков.

В летней одежде главное — ощущение прохлады, свежести и свободы. Хочется, чтобы платье не стесняло движений, чтобы ткани были легкими, чистыми и звонкими по цвету, чтобы они лучше оттенили цвет кожи. Очень хорошо, когда лето много белого. Если зимой и осенью мы прилегают тканям с интересной рельефной фактурой, то летом главное — цвет и рисунок.

А теперь давайте выслышим, какие именно вещи составляют наш летний гардероб.

Начнем по порядку, с

са особенно излившим и женственным, если его отгадать широким, кружевным, розовым или оборочкой, а также цветным рюшом (рис. 1). Дома можно ходить и в брюках со свободной блузкой нависнутой или в широкой присобранной юбке с блузкой из ткани или трикотажа. Вообще пышные юбки сейчас не модны, но дома лето они очень удобны, потому что в них не так жарко, они меньше мнутся и выстигиваются. Современная мода часто использует народные мотивы. Они особенно хороши в домашней одежде (рис. 2). Разумеется, и фартук не должен быть случайным. Надо, чтобы он не только прикрывал

платье, но и украсил его.

Мужчинам можно посоветовать рубашку и брюки из хлопчатобумажной ткани, отделанные строчкой. Строчка — очень важная деталь, и удачный элемент отделки. Она придает вещи более четкий, замоченный вид, подчеркивает контурную и в некоторой степени заменяет утюг.

Одежда для слесарей. Это те платья, в которых мы проводим большую часть дня. Поэтому к ним можно относиться с любовью и вниманием. Многие почему-то считают, что на работу можно ходить в чем попало. Главное, мол, это вечером! Такие люди просто обкрадывают себя и окружающих. Нам приятно смотреть на красиво одетого человека! И нам приятно самому человеку, когда он хорошо одет! Только повседневная одежда должна отличаться от народной по своему характеру. Прежде всего она должна быть удобной. Ни в коем случае она не должна застывать все время одежды к себе.

Это может быть искусственное строгое платье в полосу или набивное, отделанное цветными кантами или строчкой. Оно может быть гладким, отделанным складочками,

защитами или даже вышивкой. Оно может быть отделано в талии с прорезом, узкой или слегка расширенной юбкой, а также и складку или плиссе. А может быть просто рубашечкой с поясом. Или платье-юбка. Ткань должна быть разнообразна. Надо, чтобы они как можно меньше смазались. Поэтому лучше всего шить из лавсанов или натуральных шелк, поплин или креплдин. Главное, чтобы фасон был простым, без лишней детали, чтобы платье легко было шить, постирать и погладить, чтобы оно не надевалось (рис. 3). Мужчине это могут быть брюки с различными по рисунку и цвету рубашками: гладкими, в полоску, в клетку, в горошек, без лишней и расписными. И обязательно рубашка должна быть заправлена в брюки. Ткане набивные рубашки вымылись хорошо только за городом и на пляже. А на работа чистовое белье выглаживать антуриками (подручными (рис. 4). И еще одна деталь — пестрые рубаш-

Предложение (смотрите на обложке).

Уточ. Это может быть набивной материал из хлопка, льна, катана, полотна, пика, голубой, розовой, синтетической, полупрозрачной, шелковой, лаковой или набивной, с рисунком или в полоску, в мелкий горошек, зигзагом, зигзагом, зигзагом.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:
Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-30-30; отдел очурия и публикации — Д 3-31-03; международная жизнь — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-40-47; науки и техники — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Сажокин.
Редколлегия: К. К. Андреев, Е. А. Донатовский, К. И. Замощин, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Курилов, Е. И. Рязьков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безукова.
Технический редактор Н. Вудкина.

А 02327. Подписано и печатано 18/VI 1965 г.
Тираж 900 000. Изд. № 1185.
Базис № 1481. Формат бумаги 70 x 108/8.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды» 24.

Слова
Константина ВАНШЕНКИНА

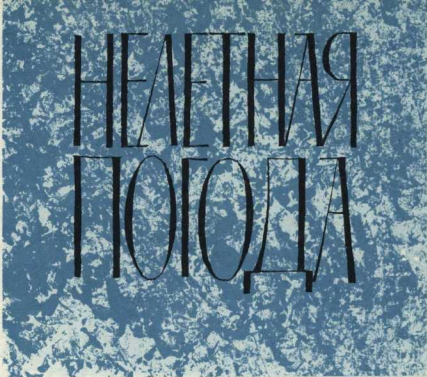
Музыка
Яна ФРЕНКЕЛЯ

Вот опять летняя погода,
Вот опять наша на солнце тень.
Кажется, что ждем уже погоды,
Так он долго, мутный этот день.

Поезда ушли по расписанию,
И над ними редкий вьется дым.
Под Московку, Казанью и Рязанью
На аэродромах мы сидим.

Льет дождик с небосвода,
Грохочут желоба,
Летняя погода,
Нелегкая судьба.

Прпиев

Слова
Константина ВАНШЕНКИНА

Музыка
Яна ФРЕНКЕЛЯ

Вот опять летняя погода,
Вот опять наша на солнце тень.
Кажется, что ждем уже погоды,
Так он долго, мутный этот день.

Поезда ушли по расписанию,
И над ними редкий вьется дым.
Под Московку, Казанью и Рязанью
На аэродромах мы сидим.

Прпиев:

Льет дождик с небосвода,
Грохочут желоба,
Летняя погода,
Нелегкая судьба.

Вы, наверно, ждете меня устали
Там, где светит месяц голубой,
И стоят безоблачные дали
Над спокойной вашей головой.

Только не спудте слишком strongly,
Что опять я к вам не поеду,
Мне до дома вашего дорога,
Будто на соседнюю звезду.

Прпиев.

Но взрвету моторы однотонно,
Разгоняя воплями траву,
И с аэродромного бетона
Мы равняем прямо в снегу.

Мы равняем, где-то оставая
Ваши медленные поезда.
А пока все дожди и дожди без края,
Мелкая холодная вода.

Прпиев.

Составил
А. ХИТРОВО.
г. Калуга.

По горизонтали:

- Молекулярный генератор.
- Чехословацкий путешественник.
- Прибор для измерения атмосферного давления.
- Общественное произведение.
- Симфоническое произведение И. А. Римского-Корсакова.
- Птичка, обитающая в хвойных лесах.
- Черноморский курорт.
- Устройство для лечения и отдыха.
- Нотная запись многоголосного музыкального произведения.
- Стальная наваера для глубоководных исследований.
- Рассказ М. Горького.
- Грузинский народный танец.
- Тропическое плодовое растение.
- Работа на корабле, выполняемая всей командой.
- Минерал, драгоценный камень.
- Крупная водоплавающая птица.
- Общественные при учебном заведении.
- Польский композитор.

По вертикали:

- Областной центр Казахской ССР.
- Автор романа «Небел-Даг».
- Советская гимнастка.
- Венгерский композитор.
- Представитель одного из славянских народов.
- Документ об оленничанн шюмы.
- Газообразная оболочка Земли.
- Основная тема, повторяющаяся в музыкальном произведении.
- Столица Сенегала.
- Сильный порыв ветра.
- Автор сборника уральских сказов «Малая шатулка».
- Стихотворение А. С. Пушкина.
- Приложение и журнал «Вокруг света».
- Питом Миссисипи.
- Советский кинорежиссер.
- Русский композитор.
- Рассказ А. П. Чехова.
- Герой древнегреческой мифологии.

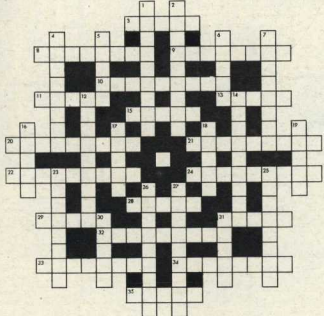
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЕ В № 12

По горизонтали:

- Герасимов.
- Перигеллий.
- Фотон.
- Этика.
- Лазер.
- Логометр.
- Пирамиды.
- Молекула.
- Кристалл.
- Болда.
- Герири.
- Бесер.
- Лавинария.
- Гетеродин.

По вертикали:

- Селен.
- Радгатор.
- Кинескоп.
- Торий.
- Ломоносов.
- Воронение.
- Вахметьев.
- Менделеев.
- Генуи.
- Орбит.
- Ацетилен.
- Курчатов.
- Катет.
- Зинин.

ни никогда не носят с галстуком.

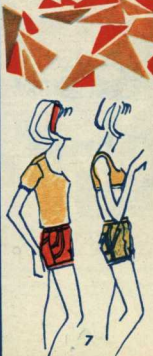
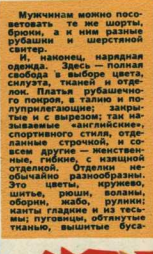
Оджды для летнего отдыха. Тут больше всего вопросов. Какой она должна быть? Какие именно вещи брать с собой и сколько? Хочется быть модной, а с большими сумками тяжело и неудобно. Особенно, если собираешься побывать в разных местах. Но дело вовсе не в количестве вещей. Вспервах, надо представить себе, что мы будем делать утром, днем и вечером: будем ли мы только купаться и загорать или еще путешествовать. И, во-вторых, так подобрать свой гардероб, чтобы все вещи подходили друг к другу. Чтобы любую блузку можно было носить с любой юбкой, и не только с юбкой, но и с брюками,

КАК ОДЕВАТЬСЯ ЛЕТОМ

Начало на 32-й стр.

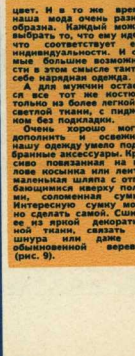
с шортами, с купальником. И тогда из двух юбок и трех блуз: у вас получится несколько различных вариантов (рис. 5). Кстати, это вообще относится и умение одеваться. В нашем гардеробе не должно быть ничего случайного. Приобретая новую вещь, вглядеть до мелочей, надо всегда подумать, с чем мы сможем ее носить.

Какие же вещи нам нужны для летнего отдыха? Прежде всего платякалат (можно два из хлопчатобушанной ткани, гладкой или набивной, сочной, с яркими декоративными рисунками, свободного рубашечного покроя, можно без пояса, с большими вырезами, рисунков два купальника, так, чтобы они сочетались с халатом (рис. 6). Тут нужно учесть один важный момент. Одежда, в которой вы планируете пляж, должна расстегиваться сверху, чтобы не стеснять ее через голову. Это неудобно и очень некрасиво. Что еще? Одна или две юбки. Если две, то хорошо, когда одна из них белая. Две-три блузки. С короткими рукавами или без рукава и одну — с длинными, типа мужской рубашки. Это если прохладно или, наоборот, слишком жарко солнце. Одна блузка может быть гладкая, другая — с каким-то рисунком, третья — в полоску. И, конечно, шерстяная трикотажная юбка. Обязательно понадобятся брюки. Их можно сделать из гладкой ткани и отстрочить, как тефаски, а можно сшить их из ткани в полоску или набивную рисунком. Очень удобны для отдыха шорты (короткие брюки выше колена). Именно шорты уверяют, что в шортах ходить неинтересно. Наблюдения показывают, что большинство детей такого мнения придерживаются те, кто считает для себя вполне удобным сидеть на пляже в нижнем белье и раскладывать по улице полосатых пинжамов или в ساتиновых шароварах с сутах. Ничего не предлагает ходить в шортах на работу или в вечер. Но для отдыха это незаменимая вещь. Хзта, веспелде, прогулка в торах, колесной — тут без них не обойтись (рис. 7). Трестам, каретно, покаробится лишняя юбка, куртка из ворсатиливающей ткани. И, конечно, удобная непромокаемая обувь.

ми, крученые; вышивка и банты, большие и малые, гладкие и пышные; гербы и эмблемы (рис. 8). Но на стат вышивку, чтобы ваше платье не оказалось перетянутым отделкой и украшениями.

И обязательно надо помнить о том, что независимо от моды у каждого человека должен быть свой стиль. Ведь мы отличаемся друг от друга не только цветом волос, глаз, формой носа и ног. У каждого из нас своя походка, своя манера, свое выражение лица. Поэтому не нужно одеваться всем одинаково. Современная мода демократична, главное ее требование — простота и утилитарность. Основное — удачно найденные пропорции.

Мужчинам можно посоветовать те же шорты, брюки, а или разные рубашки и шерстяной свитер. И, наконец, нарядная одежда. Здесь — полная свобода в выборе цвета, силуэта, ткани и отделки. Платя рубашечного покроя, в талию и полуприлегающие; закрытые и с вырезом; так называемые «английские», спортивного стиля, отделанные строчкой, и совсем другие — женственные, гибкие, с изысканной отделкой. Отделка необычайно разнообразна. Это цветы, кружево, шитье, рюши, воланы, оборки, мабо, рюмки; манты гладкие и из тесьмы; пуговицы, обтянутые тканью, вышитые бус-

цвет. И в то же время наша мода очень разнообразна. Каждый может выбрать то, что ему идет, что соответствует его индивидуальности. И самые большие возможности в этом смысле таит в себе нарядная одежда.

А для мужчин ставятся все те же восточные, только из более легкой и мягкой ткани, с подкладкой без подкладки. Очень хорошо могут дополнить ансамбль наши одеяла умело подобранные аксессуары. Красиво показанная, на голые юбки или лент, маленькая шляпка отблужающаяся вверх полумя, соломенная сумка. Интересную сумку можно сделать самой. Сшить ее из яркой декоративной ткани, связать из шнура или даже из обыкновенной веревки (рис. 9).

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820

